

На небосводе популярной культуры информационного века Уильям Гибсон —
ярчайшая звезда.

The San Diego Union-Tribune

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Идору

18+

Издательство "Азбука"

Трилогия Моста

Уильям Гибсон

Идору

«Азбука-Аттикус»

1996

Гибсон У. Ф.

Идору / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус», 1996 — (Трилогия Моста)

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовала «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, а фабула триллера, футуристический антураж и виртуозная скупость стилевых приемов порождают взрывоопасный, но неотвратимо притягательный коктейль. Итак, добро пожаловать в Японию после катастрофического землетрясения. Токио заново застроен нанотехнологическими небоскребами, успехом пользуется ночной клуб по мотивам Франца Кафки, а по фанатскому сообществу пронесся слух, что рок-звезда по имени Рез собирается жениться на виртуальной звезде, актрисе и певице Рэй Тозэй... Содержит нецензурную брань

© Гибсон У. Ф., 1996

© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Благодарности	7
1	8
2	14
3	20
4	26
5	30
6	34
7	38
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Уильям Гибсон

Идору

Посвящается Клэр

William Gibson

IDORU

Copyright © 1996 by William Gibson

All rights reserved

© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Возвышенная амальгама хай-тека и китча от первого топографа киберпространства.

Daily Telegraph

Славянские Барби, ночной клуб по мотивам Кафки, изменчивые нанотехнологические небоскребы... и каждое слово на своем месте.

Wired

Вторая часть «Трилогии Моста», как и два других романа, приятно выделяется на обычно мрачноватом фоне. Так сказать, киберпанк с человеческим лицом. Все еще может кончиться хорошо, наши победят и переделают мир. Искусственный интеллект покажет людям, что значит быть человеческими. Даже если нельзя победить общество, можно уйти и создать свое, новое на новом месте. Лишь бы Мост стоял и Крепость держалась.

Книжная витрина

Я предлагаю читать Гибсона в метро. Располагая несколькими часами времени, надо сесть на Кольцевую линию и ездить по кругу, не вставая с места, пока книга не будет дочитана хотя бы до половины. Изредка, устав от чтения в тряске вагона, надо поднимать голову и смотреть на пассажиров. Если хватит смелости – можно слушать их разговоры.

Постепенно ты поймешь, что именно об этом мире и пишет Гибсон. Это тусклый мир людей с серыми лицами, существующий внутри развалин некогда величественной цивилизации. Они живут среди машин, некогда бывших пиком технологической моды, но за прошедшие годы покрывшихся слоем пыли. Вкрапления новых технологий – мобильные телефоны, переносные компьютеры – странным образом не меняют картины. Будущее для Гибсона напоминает московское метро.

Сергей Кузнецов (Grani.ru)

Плотное, веселое, провоцирующее на размышления чтение. «Бегущий по лезвию» для новых времен.

GQ

Гибсон опять нашел способ по-новому поставить вопрос, впервые заданный Филипом Диком: что есть реальность? Проза его, жесткая и лаконичная, как у Элмора Леонарда, пронизана ледяной поэтичностью Дж. Г. Балларда.

New Statesman & Society

Персонажами «киберпанка №1» по-прежнему остаются маргиналы, но вместо того, чтобы устраивать революцию (информационную или любую другую), теперь они стремятся просто выжить – а в идеале еще и найти более-менее комфортабельную социальную нишу.

Василий Владимировский (Мир фантастики)

Благодарности

Согхо Исии, японский кинорежиссер, познакомил меня с цзюлунским (Коулунским)¹ «Застенным городом» по серии фотографических работ Рюдзи Миямото. Исии-сан считал, что нам нужно поставить научно-фантастический фильм. С фильмом ничего не вышло, и все же «Застенный город» упорно не шел у меня из головы, хотя все мои тогдашние познания о нем ограничивались тем, что я смог почерпнуть из потрясающих снимков Миямото (именно они дали мне позднее основную часть бэкграунда для романа «Виртуальный свет»).

Архитектор Кен Вайнберг обратил мое внимание на номер «Архитекчерал ревью» со статьей о «Застенном городе», откуда я впервые узнал про «город тьмы», великолепную работу, состоящую из фактических свидетельств, собранных воедино Грегом Джерардом и Айаном Ламбротом (Watermark, Лондон, 1992). Благодаря любезности Джона Джерролда я получил эту книгу из Лондона.

Все мои познания об обрубании пальцев почерпнуты из криминальных мемуаров Марка Брендона Рида, более известного как Мясник («Вся подноготная Мясника», Sly Ink, Австралия, 1991). Мистер Рид куда страшнее моего Блэкуэлла, и даже ушей у него на штуку меньше.

Книга Карла Таро Гринфилда «Торопливые племена» (HarperCollins, Нью-Йорк, 1994) дала мне богатейший материал для описания джет-лага.

Стивен П. («Плозибилити») Браун много месяцев опекал затянувшуюся работу, и все это время он ежедневно, а то и чаще (и всегда – с высочайшей снисходительностью), комментировал бессвязные обрывки текста, которыми я засыпал его по факсу, страстно надеясь, что в них обнаружится некий «прогресс». Его постоянное ободрение и неисчерпаемое терпение были абсолютно необходимы мне для завершения этой книги.

Мои издатели на обоих берегах Атлантического океана также проявили огромное терпение, за что я их и благодарю.

¹ Цзюлун (Коулун) – полуостров материкового Китая, близко примыкающий к острову Сянган (Гонконг) и составляющий с ним единое административное образование. – *Здесь и далее примеч. пер.*

1

«Куб Казни К.»

После «Слитскана» Лейни слышал от Райделла о другой работе. Кто такой Райделл? Ночной охранник из «Шато». Большой, спокойный теннессиец, всегда в дешевых солнцезащитных очках и с уоки-токи в ухе, всегда чему-то грустно улыбается.

– «Парагон-Эйша ДейтаФлоу», – сказал Райделл.

Это было уже под утро, в пятом, что ли, часу, и они сидели в громадных старых креслах. Там, в вестибюле «Шато», вся мебель была такая громоздкая, что человек в ней словно как терялся, становился меньше ростом. А бетонные потолочные балки кто-то не очень убедительно раскрасил под светлый дуб.

– Да? – вежливо отозвался Лейни, хотя откуда уж там было Райделлу знать, в каких местах его еще могут взять на работу.

– Токио, Япония, – сказал Райделл и потянул через пластиковую соломинку охлажденный латте. – Парень, которого я встретил в том году в Сан-Франциско. Ямадзаки. Он у них работает. Говорит, они ищут серьезного нет-раннера.

Нет-раннер. Лейни, предпочитавший считать себя исследователем, с трудом подавил печальный вздох.

– По контракту?

– Наверное. Он не говорил.

– Не очень мне что-то хочется жить в этом Токио.

Райделл покрутил соломинкой пену и кубики льда, оставшиеся на дне высокого пластикового стакана, словно в надежде обнаружить там какой-нибудь подарок от фирмы, и поднял глаза.

– Он такого не говорил, что жить обязательно там. А ты был когда-нибудь в Токио?

– Нет.

– Интересное, наверное, место, после этого землетрясения, и вообще. – Уоки-токи пискнул и начал что-то нашептывать. – Ну вот, теперь мне надо проверить ворота со стороны коттеджей. Хочешь прогуляться?

– Нет, – мотнул головой Лейни. – Спасибо.

Райделл встал. На нем был черный нейлоновый ремень, сплошь увешанный черными футлярчиками с какими-то хитрыми приспособами, и белая тенниска с подозрительно неподвижным черным галстуком.

– Я оставлю телефон в твоём ящике, – сказал он, привычно разглаживая складки на форменных, цвета хаки брюках.

Райделл пересек устланное разнообразными коврами фойе и исчез где-то за темной, полированного дерева конторкой. Лейни смутно помнилось, что у него вроде бы были в прошлом крупные неприятности. Хороший парень. Неудачник.

Когда Лейни покинул наконец свое кресло, сквозь высокие арочные окна уже сочился тусклый рассвет, а в темной, как пещера, столовой начала сдержанно позвякивать тайваньская нержавейка. Иммигрантские голоса, степной диалект, понятный разве что Чингисхану. Звуки отражались от выстланного терракотовой плиткой пола, от потолочных балок, чудом оставшихся со времени, когда здесь впервые появились такие, как Лейни, или их предшественники со своей экологией известности и жуткой, нерушимой и непререкаемой иерархией взаимного пожирания.

* * *

Райделл сдержал обещание и оставил Лейни сложенный пополам листок бумаги. Токийский номер. Лейни извлек его из ящика на следующий день вместе с самой свежей оценкой своего гостиничного счета.

Теперь он не мог даже делать вид, будто номер в «Шато» ему по карману.

* * *

Неделю спустя, в Токио, он увидел свое лицо, отраженное в большом, с золотыми прожилками, зеркале, в лифте, поднимавшемся на четвертый этаж агрессивно-невзрачного здания «Боже Ж Ты Мой». Целью поездки был «Куб Казни К.», такой себе бар по мотивам Франца Кафки.

Прямо из лифта – в длинный зал, поименованный на травленой стальной пластинке как «Превращение». Где твердозарплатники в неперменных белых рубашках, скинув пиджаки и расслабив узлы неперменных темных галстуков, пили за искусно изоржавленной стальной стойкой, сидя на стульях с высокими спинками из какого-то бурого, хитиноподобного пластика. Над их головами хищно нависали иззубренные инсектоидные мандибулы.

Лейни окунулся в коричневый свет, в негромкий прибой разговоров. Он не знал японского. На прозрачной местами стене регулярно повторялись изображения таких же мандибул, а еще огромных жестких надкрылий и шипастых коленчатых конечностей. Он ускорил шаг, направляясь к изогнутой лестнице со ступеньками на манер блестящих коричневых панцирей.

С другой стороны за ним следили глаза русских проституток, кукольно-пустые в тусклом, тараканьем свете. Эти Наташи были тут везде, рабочие девчонки из Владивостока, один из товаров, доставляемых «Комбинатом». Элементарная пластическая операция наделяла их бездушной, конвейерной красотой. Славянские Барби. А вживить для удобства надзирателей радиомаячок – так это еще проще.

За лестницей – «Исправительная Колония», дискотека, совершенно в такой час пустая. Лейни пересек зал, так никого и не встретив, под беззвучные вспышки красных молний. С потолка свисал дикого вида механизм, каждая из его членистых, в стиле древнего зубо-врачебного оборудования, лапок заканчивалась острым стальным шипом. «Борона», – смутно вспомнил он. И эти самые – зубья, резцы. Рассказ Кафки, машина, исполняющая смертный приговор, вырезая его текст на теле осужденного. Устремленные вверх глаза. Невидящие. Он зябко передернулся, стряхивая воспоминания, и пошел дальше.

Вторая лестница, узкая и покруче, привела в «Процесс», мрачный и с низким потолком. Стены цвета антрацита. За синим стеклом трепещут языки пламени. Замешкался у входа – джет-лаг плюс проклятая куриная слепота.

– Колин Лейни, если не ошибаюсь?

Австралиец. Огромный. Стоит за маленьким столом, по-медвежьему ссутулившись. Что-то странное в форме наголо бритой башки. И второй, гораздо меньше, сидит. Японец, клетчатая, с широким воротником ковбойка застегнута до самого горла. Мигает сквозь круглые стекла очков.

– Садитесь, мистер Лейни, – сказал австралиец.

Чуть по привыкнув к темноте, Лейни рассмотрел, что у того нет левого уха, срезано чуть не начисто, остался какой-то скрученный обрубок.

* * *

Когда Лейни работал на «Слитскан», его супервайзера звали Кэти Торранс. Светлейшая из светлых блондинок. Бледность на грани полной прозрачности, при определенных углах освещения начинало казаться, что в ней течет не кровь, а некая странная жидкость цвета свежей соломы. На ее левом бедре было пронзительно-синее изображение чего-то гнутого и крученого, со множеством шипов. Дико дорогая дикарская пиктограмма. Доступная наблюдению ежепятнично, когда Кэти приходила на работу в шортах.

Она всю дорогу жаловалась, что известность очень быстро снашивается. Зациклилась, как думал Лейни, на расхожем мнении многих поколений своих коллег.

В тот раз она сидела, закинув ноги на край своего мультистола. Абсолютно точные, разве что крошечные, копии футбольных ботинок, застегнутые на подъеме, с крепкой шнуровкой по щиколоткам. Лейни смотрел на ее ноги, длинный, упругий взлет от грубошерстяных носков к бахроме коротко обрезанных джинсов. Татуировка казалась чем-то инопланетным, таким себе знаком или посланием, выжженным на подручном материале кем-то из дальнего космоса на радость человечеству – пусть себе сидит и разгадывает.

Он спросил, что она имеет в виду. Кэти не спеша извлекла из упаковки беленькую, с мятным ароматом зубочистку. Лейни сильно подозревал, что глаза, смотревшие на него сквозь мятного цвета линзы, были в действительности серыми.

– Теперь больше нету настоящих знаменитостей. Ты что, сам этого не замечаешь?

– Нет.

– Я имею в виду *настоящих* знаменитостей. Славы почти не осталось, если в старом смысле этого слова. Так, немножко, по мелочам.

– В старом смысле?

– Мы, Лейни, мы – массмедиа. Мы *делаем* этих засранцев знаменитыми. Подтолкнуть, вытащить – рутинная работа. Они приходят к нам, чтобы мы их слепили из чего уж там есть.

Шипастые подошвы взбрыкнули и пропали. Кэти подобрала ботинки под себя, каблуками к джинсовым бедрам, белесые коленки скрыли ее рот. И как она не сверзится со стула, неудобно же так сидеть.

– Ну и что, – заметил Лейни, возвращаясь к своему дисплею. – Как ни крути, слава, она и есть слава.

– А она что, настоящая?

Лейни недоуменно обернулся.

– Мы научились чеканить из этого дерьма деньги, – продолжила Кэти. – Валюта нашего околота. А теперь мы нашлапали ее слишком много, даже аудитория начинает догадываться. Это видно по рейтингам.

Лейни кивнул, мечтая, чтобы она оставила свой треп, дала ему поработать.

– А потому, – сказала Кэти, – иногда мы решаем уничтожить какую-нибудь ее часть.

За ней, за анодированной сеткой «Клетки», за обрамляющим прямоугольником стекла, не пропускающего внутрь ни молекулы атмосферных загрязнений, висело пустое, безукоризненно гладкое небо Бербанка, образчик небесно-голубого пигмента, предоставленный прорабом вселенной.

* * *

Обрубок уха зарос по краю розовой, гладкой, как воск, кожей. Странно, можно же было пришить, а потерялось – так реконструировать.

– Чтобы не забыть, – сказал австралиец, по глазам читая мысли Лейни.

– Не забыть что?

– Не забыть вспомнить. Садись.

Лейни опустился на нечто если и напоминавшее стул, то лишь весьма отдаленно – хлипкую конструкцию из черных металлических прутиков и ламинированного пластика. Столик был круглый, размером с автомобильную баранку. За синим стеклом колыхались огни невесты какому богу возжженных лампад. Японец в ковбойке и круглых, металлом оправленных очках яростно моргал. Австралиец сел на такой же из обгорелых спичек стул, полностью скрыв его под своей непомерной, как у борца сумо, горой мускулов.

– Ты вроде справился уже с джет-лагом?

– Таблетки принял.

Вспомнилась тишина в сверхзвуковом самолете, ощущение, что он вроде и не летит никуда, а застыл на месте.

– Таблетки, – повторил толстый. – Гостиница приличная?

– Да, – кивнул Лейни. – Я готов к интервью.

– Ну что ж...

Мужик энергично помял свое лицо огромными, сплошь в шрамах руками, а затем взглянул на собеседника, словно удивляясь, откуда он там взялся. Лейни опустил глаза на нанопорный тренировочный костюм, словно снятый с кого-то другого – тоже очень крупного, но все-таки малость поменьше. Цвета не разберешь, в такой темноте все кошки серы. Расстегнут почти до середины груди. Чуть не лопаются на этой чудовищной туше. Обнаженный треугольник кожи исполосован десятками разнообразнейших по форме и текстуре шрамов, речная дельта из какого-то бредового атласа.

– Ну, так что? – произнес австралиец.

Лейни перестал изучать шрамы и поднял глаза.

– Я насчет работы. Пришел на предварительное интервью.

– Серьезно?

– Вы интервьюер?

– Интервьюер? – Неопределенная улыбка, демонстрирующая вполне определенные вставные зубы.

Лейни повернулся к японцу:

– Колин Лейни.

– Синья Ямадзаки. – Японец чуть привстал и пожал Лейни руку. – Мы с вами говорили по телефону.

– Это вы проводите интервью?

Глаза очкарика заморгали еще чаще.

– К сожалению, нет. Я занимаюсь экзистенциальной социологией.

– Я ничего не понимаю, – вышел из себя Лейни.

Молчание. Синья Ямадзаки смущенно отводит глаза. Одноухий нахмурился.

– Вы австралиец, – констатировал Лейни.

– Тэззи,² – поправил одноухий. – В Смуту мы были за южан.

– Попробуем сначала, – предложил Лейни. – «Парагон-Эйша ДейтаФлоу». Это вы?

– Упорный, гад.

– Обстановка накладывает, – объяснил Лейни. – В смысле профессия.

– Да и то. – Одноухий вскинул глаза. Его правую бровь рассекал розовый перекрученный жгут шрама. – Тогда Рез. Что ты думаешь о нем?

– Это, в смысле, рок-звезда? – спросил Лейни после краткого и не очень успешного сражения с проблемой контекста.

² Тэззи – прозвище жителей Тасмании.

Кивок. Одноухий смотрел на него с предельной серьезностью.

– Из «Ло/Рез»? Группы? Полуирландец-полукитаец. Сломанный нос, так и не выправленный. Длинные зеленые глаза.

– Ну и что ты *думаешь* о нем?

В кэти-торрансовской системе отсчета этот певец воспринимался как нечто особо презренное. Она считала его живой окаменелостью, досадным пережитком давней, первобытной эпохи. Огромная, бессмысленная, как она говорила, известность вкупе со столь же огромным, бессмысленным богатством. Кэти воспринимала славу как некую тонкую материю, первозданную стихию типа флогистона, как нечто изначально распределенное по всей вселенной равномерно, но затем, при благоприятных условиях, концентрирующееся вокруг отдельных личностей и их карьер. Чтобы затем рассеяться, перераспределиться. С ее точки зрения, Рез продержался слишком уж долго. Он подрывал стройность ее теории. Он нагло бросал вызов сложившемуся порядку взаимопожирания. Возможно, все шнырявшие поблизости хищники оказались мелковаты для такой добычи, все, не исключая и «Слитскана». В результате группа «Ло/Рез» выдавала свой продукт с прямо-таки оскорбительной регулярностью в различных медиа, а их певец с упорством, достойным лучшего применения, отказывался убить кого-нибудь, связаться с политикой, признаться в неумеренном употреблении какой-либо любопытной субстанции или в неординарных сексуальных пристрастиях – сделать хоть что-нибудь, за что мог бы зацепиться «Слитскан». Он сиял, может, и тускловат, но зато устойчиво, вне досягаемости Кэти Торранс. Что и было, по мнению Лейни, истинной причиной ее жгучей ненависти.

– Ну, – протянул Лейни по некотором размышлении и ощутил какое-то странное нежелание отвечать начистоту, – я купил тогда их первый альбом. Когда он только вышел.

– Название?

Одноухий стал еще серьезнее.

– «Ло Рез Скайлайн», – отпартовал Лейни, крайне благодарный своему мозгу, что тот выкинул эти слова на поверхность. – Но я не знаю, сколько там они выродили с того времени.

– Двадцать шесть, не считая сборников, – сказал мистер Ямадзаки и поправил свои очки.

Лейни чувствовал, что принятые им таблетки, те, которые должны были, по идее, смягчить джет-лаг, трещат под ним и проваливаются, как некие прогнившие фармакологические леса. Стены «Процесса» сблизились. И продолжали сближаться.

– Если вы не собираетесь объяснить мне, о чем, собственно, весь этот разговор, – сказал он одноухому, – я, пожалуй, вернусь в гостиницу. Устал я, вот что.

– Кит Алан Блэкуэлл. – (Лейни пожал протянутую ему руку. Ладонь одноухого была похожа на ошупь на элемент какого-то спортивного тренажера.) – Кити. Теперь мы, пожалуй, выпьем и немного поговорим.

– А может, – предложил Лейни, – вы сперва скажете мне, каким тут местом задействована эта самая «Парагон-Эйша»?

– Упомянутая вами фирма, – вздохнул Блэкуэлл, – есть не более чем несколько строчек кода в машине, где-то там на Лайгон-стрит. Чистой воды декорация. Наша декорация, если вам от этого легче.

– Легче? – переспросил Лейни. – Не знаю. Не уверен. Сперва привезли меня сюда для предварительного интервью, а теперь сообщаете, что компания, для которой я должен был интервьюироваться, не существует.

– Но она же *существует*, – возразил Кит Алан Блэкуэлл. – В машине на Лайгон-стрит.

Подошла официантка. В сером, бесформенном бумажном комбинезоне и с косметическими кровоподтеками.

– Большая бочкового. «Кири». Холодное. А вам, Лейни?

– Кофе со льдом.

– Колу-лайт.

– Вот и прекрасно, – сказал безухий Блэкуэлл, мрачно глядя вслед растворившейся во мраке официантке.

– Я был бы крайне благодарен, если бы вы объяснили мне, чем мы, собственно, здесь занимаемся, – сказал Лейни и тут же заметил поблескивание светового карандаша; Ямадзаки увлеченно корябал что-то на экране маленького ноутбука. – Вы что, все это записываете?

– К сожалению, нет. Небольшие заметки насчет костюма официантки.

– Зачем? – удивился Лейни.

– Извините. – Ямадзаки сохранил записанное, выключил ноутбук и аккуратно засунул карандаш в пружинный зажим. – Я специалист по таким вещам. У меня сложилась привычка фиксировать мелкие, преходящие детали народной культуры. Ее костюм вызывает естественный вопрос: является он простым отражением мотивов этого клуба или, напротив, представляет некий глубинный отклик на травмирующий опыт землетрясения и последующего восстановления?

2

«Лю Рез Скайлайн»

Они встретились в джунглях.

Келси сделала растительность: большие, яркие, руссовские листья,³ мультиковые орхидеи самых что ни на есть «тропических расцветок» (Кья сразу вспомнила сеть магазинчиков, продающих «природные» косметические средства ярчайших, неизвестных природе тонов). Сона, единственная из телеприсутствовавших, непосредственно видевшая хоть что-нибудь, отдаленно похожее на настоящие джунгли, подложила аудио – пение птиц, невидимых, но очень натурально жужжащих насекомых и такое шуршание листьев, не как словно змеи ползут, а будто там какие-то пушистые зверьки, с мягкими лапами и любопытные.

Свет, какой уж он там был, сочился сквозь зеленый полог леса – совершенно, по мнению Кья, диснейлендовый, – хотя какая уж там особая необходимость в «свете», когда все это из одного света и сделано.

У Соны, как и всегда, не было тела, только синий, горящий ацтекский череп да синие призраки ладоней, мерцающие, как подсвеченные стробами голуби.

– Совершенно ясно, что эта бесхуевая шлюха, бесплотная, замыслила опутать его душу своими силками.

Подчеркивая категоричность суждения, над черепом вспыхнули стилизованные зигзаги молний.

Интересно, подумала Кья, как она выразилась в действительности? Что такое эта самая «бесхуевая шлюха» – артефакт мгновенного онлайн-перевода или по-мексикански действительно можно так выразиться?

– Мы ждем надежную подтверждающую информацию из токийского отделения, – напонила им Келси.

Келси была из Хьюстона, дочь налогового адвоката, и на нее налипло много из папашиного лексикона, а заодно и умение *ждать*, вызывавшее у Кья прямое раздражение, особенно в исполнении этакой феечки из древнего аниме, с глазами как синие блюдечки. И ведь доведись им когда-нибудь встретиться вживую, наверняка оказалось бы, что Келси выглядит как угодно, но уж точно не так, тут уж и к бабке не бегать. (Саму Кья представляла разве что самую малость отредактированная версия того, как она видела себя в зеркале. Ну, может, носа чуть поменьше. Губы поплотнее. Но это, собственно, и все. Почти.)

– Вот именно, – сказала Сона, в ее глазищах яростно вращались миниатюрные каменные календари. – Мы *ждем*. А тем временем *он* приближается к роковой черте. А мы тут ждем. Если бы я и мои девочки вот так вот только и делали, что ждали, Крысы давно смели бы нас с проспектов.

Если верить Соне, у нее под началом была *чиланга* – девчоночья, вооруженная ножами шайка. Ну, может, и не самая крутая в Мехико, но достаточно серьезная в смысле территории и авторитета. Кья не то чтобы слишком этому верила, но так было вроде как прикольно.

– Ты так думаешь? – Феечка по-эльфийски надменно вскинулась и пораженно захлопала длинными, как у Бэмби, ресницами. – А в *таковом*, Сона Роса, случае почему бы тебе не слетать в *Токио* и не выяснить *лично*, что же там происходит в *действительности*? То есть действительно ли Рез так и сказал, что он на ней женится, или что? Ну а заодно ты могла бы выяснить, *существует* она все-таки или нет.

³ Анри Руссо (1844–1910), по кличке Таможенник, – французский художник-примитивист, часто изображал тропическую природу.

Календари остановились, превратились в десятицентовые монетки.

Синие руки исчезли.

Череп словно уплыл в головокружительную даль, оставаясь абсолютно четким, вплоть до мельчайших деталей.

Старые штучки, подумала Кья. Увиливает.

– Но ты же знаешь, что я не могу, – сказала Сона. – Без меня тут никак не обойтись. Мария Кончита, военачальница Крыс, заявила, что...

– А нам вот *по фигу*, чего она там заявила! – Келси взмыла к нависавшим над поляной ветвям и повисла там, голубая феечка на фоне роскошной зелени; солнечный луч выигрышно высветил невозможную, небывалую в природе правую скулу.

– Сона Роса – трепло вонючее! – заорала она не так чтобы очень феисто.

– Не лайтеся, – сказала Кья. – Пожалуйста. Ведь это же очень *важно*.

Келси мгновенно спустилась и взглянула на миротворицу:

– Тогда поедешь *ты*.

– Я?

– Ты, – кивнула феечка.

– Я не могу, – сказала Кья. – В Токио? Да как же я могу?

– Самолетом, а как еще.

– Не забывай, Келси, что у нас нет твоих денег.

– У тебя есть паспорт. Мы знаем, что есть. Твоя мать должна была выправить тебе паспорт во время всех этих дел с таможней. И мы знаем, что ты, нежно выражаясь, в одну школу *уже* не ходишь, а в другую – *еще*, так ведь?

– Да, но...

– А в чем проблема?

– Твой папаша большой налоговый адвокат!

– Ну да, – кивнула Келси, – и он летает взад-назад по всему миру, рубит капусту. Но ты знаешь, Кья, что еще он заодно зарабатывает?

– Что?

– Баллы регулярного клиента. *Охуенные* баллы регулярного клиента. На «Эр Магеллан».

– Интересненько, – процедил ацтекский череп.

– Токио, – сказала разнузданная фея.

Вот же я влипла, подумала Кья.

* * *

Стена напротив ее кровати была украшена огромным, шесть на шесть футов, лазерным увеличением обложки «Ло Рез Скайлайн», их первого альбома. Не такого, как продаются сейчас, а оригинального, групповой снимок, сделанный ими для этого первого, прорывного релиза на инди-лейбле «Сучий суп». Она скачала файл с клубного сайта в первую же неделю, как вступила, а затем нашла заведение рядом с Рынком, где делали такой большой формат. Этот снимок остался для нее самым любимым, и не просто потому, как часто говорила мать, что они там еще молодые. Матери не нравилось, что члены «Ло/Рез» такие старые, примерно ее возраста. Ну почему Кья не западает на музыку своих сверстников?

– А кто там есть, мама, ну кто?

– Ну, скажем, этот самый, «Крутой Коран».

– Отстой, мама.

Кья подозревала, что мать воспринимает время совершенно не так, как она. И не в том даже дело, что месяц казался матери не таким уж и длинным промежутком, а в том, что материнское «сейчас» было поразительно узким и буквальным. Полное подчинение сводкам ново-

стей. Кабельное питание, вроде как бессознательным пациентам жидкую кашу через шланг закачивают. Настоящее, заточенное до вот этого вот, прямо сейчас, момента в сводке о вертолетном трафике.

Для Кья «сейчас» было цифровым, бесконечно эластичным, мгновенное воспоминание всего, чего угодно, обеспечиваемое глобальными системами, совершенно ей непонятными, да и не нуждавшимися в ее понимании.

Релиз «Ло Рез Скайлайн» состоялся – если здесь применимо это слово – за неделю (вернее, за шесть дней) до рождения Кья. Кья прикидывала, что вряд ли на этот момент в Сиэтле была хоть одна жесткая копия альбома, но ей нравилось думать, что даже тогда кто-нибудь его там слушал, какие-нибудь задвинутые визионеры, шарящие по самым тмутараканьским инди-лейблам, вплоть до восточно-тайбэйского «Сучьего супа».

Ну конечно же, вступительные аккорды «Позитронного предчувствия» сотрясали молекулы сиэтлского воздуха где-нибудь здесь, в каком-нибудь соседнем подвале, в решительный момент ее появления на свет. Она *знала* это, точно так же как знала, что «Заклинивший Пиксель» почти что и не песня, а просто Ло терзает чуть не на помойке подобранную гитару, проигрывался *где-то*, когда ее мать, почти не владевшая на тот момент английским, подбирала имя для дочки из чего-то там, крутившегося по «Шопинг-каналу», и вот там, в палате послеродового ухода, ласковая фонетика этих слов показалась ей наиболее подходящим сочетанием английского с итальянским, в результате чего эту самую дочку (даже тогда уже рыжую) окрестили Кья Пет Маккензи (что, как узнала потом Кья, немало позабавило ее отсутствовавшего отца-канадца).

Все эти мысли всплыли в густой, хоть сапоги ей намазывай, предрассветной темноте за секунды до того, как инфракрасная мигалка будильника беззвучно приказала галогенному софиту осветить «Ло/Рез» во всей их «сучье-суповой» славе. Рез в расстегнутой (вроде для стеба, а вроде и нет) рубашке и Ло со своей улыбочкой и всегдашними, тогда еще не очень отросшими усами.

Хай, ребята. Нашарить дистанционное. Поцеловать инфракрасом в темноту. Щелк: эспрессоматик. Щелк: обогреватель помещения.

Под подушкой непривычные формы паспорта, нечто вроде антикварного игрового картриджа, жесткий темно-синий пластик, текстурированный под кожу, золотое тиснение: герб с орлом. Мягкая бежевая пластиковая папочка с «эр-магеллановскими» билетами, полученная в молле от агента компании.

Ехать так ехать, как сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост.

Она глубоко вздохнула. Материнский дом сделал то же самое, но вроде как неуверенно, хрустнув своими деревянными, озябшими от утреннего мороза костями.

* * *

Да, такси подъехало точно в назначенное время, все равно как по волшебству, и – нет, таксер не гудел, в точном соответствии с указаниями. Это Келси объяснила, как такие вещи делаются. Кроме того, Келси коротенько опросила Кья по основным обстоятельствам ее жизни и тут же сообразила подходящую легенду для ее отлучки из дома: десять дней на Сан-Хуанах⁴ у Эстер Чен, чья богатенькая мать-луддитка настолько боялась электромагнитного излучения, что жила в своем, сооруженном из плавленника и крытом дерном замке не то что без телефона, но даже без электричества.

⁴ Сан-Хуаны – острова Сан-Хуан, принадлежащие США и расположенные вблизи от Тихоокеанского побережья на стыке США и Канады.

– Скажи, – посоветовала Келси, – что ты хочешь устроить себе информационный пост, хоть на то время, пока утрясаются дела с новой школой. Ей это понравится.

Так то и вышло. Мать давно ворчала, что Кья проводит до безобразия много времени «в этих твоих гляделках и наперстках».

Кроткая, умненькая Эстер вроде бы и въезжала в музыку «Ло/Рез», но почему-то относилась к ним куда с меньшим энтузиазмом, чем следовало бы, не торчала на них. Кья любила Эстерку и успела уже однажды воспользоваться гостеприимством миссис Чен в ее уединенном островном убежище. К сожалению, Эстеркина мать заставляла девиц носить специальные бейсбольные шапочки, сшитые из какой-то там ЭМИ-непробиваемой ткани, чтобы их молодые мозги хоть немного отдохнули от неошутимой, но ничуть от того не менее тлетворной электромагнитно-информационной скверны.

Кья жаловалась Эстерке, что они выглядят в этих шапочках как «кепки».⁵

– Не будь расисткой, Кья.

– А я и не расистка.

– Ну, классистка.

– Да нет, тут же все дело в *эстетике*.

И вот теперь, закидывая в жаркий, как духовка, салон такси свою единственную сумку, она подумала о матери, спавшей сейчас за этими темными, промерзшими окнами, под грузом своих тридцати пяти лет и веселенькой, в цветочек, перины, которую Кья купила ей в «Норд-строме», и тут же почувствовала себя паршивкой, вруньей. Когда Кья была маленькая, мама носила длинную косу, увешанную на конце ракушками, ну прямо волшебный хвост какого-то мифического животного. Кья ловила эту штуку и громко хохотала. И дом тоже выглядел как-то грустно, словно жалел о ее отъезде, белая краска на девятидесятилетней кедровой вагонке шелушилась, обнажая серую, предыдущую. «А вдруг я никогда сюда не вернусь?» – подумала Кья и зябко поежилась.

– Куда? – спросил водила, негр в нейлоновой пуховке и плоской клетчатой шапочке.

– «Си-Так»,⁶ – сказала Кья и откинулась на спинку.

Разворот, и – мимо древнего «лексуса», соседи выставили его в своем подъезде, взгромодили на большие бетонные блоки.

* * *

С такого ранья в аэропорту было не просто неуютно, а даже вроде жутковато. Какая-то такая пустота, что-то такое над тобой нависает, что-то большое, полое и грустное. Коридоры и уходящие по ним люди. Соседи в очереди, люди, которых ты никогда прежде не видел и никогда больше не увидишь. Кья переложила билет и паспорт из правой руки в левую, поправила на плече ремень сумки. Ей очень хотелось кофе. Кофе был дома, в «Эспрессоматике», вторая, так и не выпитая чашка. Нужно было хоть вылить его, а чашку вымыть, а то ведь плесенью зарастет.

– Да?

У контролера была полосатая рубашка, галстук с косой полоской «эр-магеллановских» логотипов и тускло-зеленый нефрит в нижней губе. Интересно, он вынимает эту штуку на ночь? И как тогда выглядит его губа? Кья решила, что уж она-то никогда такого с собой не сделает. Она подала ему свою бежевую папочку. Мужик раскрыл папочку, вытащил билет и вздохнул, всем своим видом показывая, что она и сама могла бы это сделать.

⁵ «Кепки» – зд. и дальше Гибсон употребляет слово «meshback», буквально обозначающее летнюю кепочку с сетчатым затылком, как якобы существующую идиому для провинциальной ограниченности и т. д., см. по тексту. Это выражение несколько родственно нашему «кепка», обозначающему лопушистого провинциала.

⁶ «Си-Так» – аэропорт «Сиэтл-Такома». Такома – портовый город в штате Вашингтон, примерно в 100 км к югу от Сиэтла.

Прошелся по билету сканером.

– «Эр-Магеллан» один-ноль-пять до Нариты, с экономическим обратным.

– Да, все правильно, – услужливо подтвердила Кья, но мужик вроде не оценил ее стараний.

– Паспорт.

– Пожалуйста.

Мужик взглянул на паспорт так, словно в жизни не видел ничего подобного, а потом запихнул его в прорезь своей конторки. У прорези были алюминиевые закраины, сильно ободранные и обклеенные прозрачным скотчем. Скотч кое-где отставал и на этих местах густо облип с оборота грязью. Мужик смотрел на невидимый Кья монитор. Вот возьмет сейчас и скажет, что ей лететь нельзя. Кья снова вспомнила ту чашку кофе. Даже остынуть-то не успеет.

– Двадцать три «дэ», – сказал мужик, глядя, как из другой прорези выползает посадочный талон. Он взял высунувшийся из первой прорези паспорт и вернул его Кья вместе с билетом и талоном. – Выход пятьдесят два, синий зал. Багаж сдаете?

– Нет.

– Пассажиры, прошедшие проверку, могут быть подвергнуты безболезненной и безопасной, не нарушающей целостности организма процедуре взятия образцов ДНК.

Мужик выпалил это залпом, как одно кошмарно длинное слово; пассажиры и сами все знали, но по закону он обязан был их предупредить.

Кья спрятала паспорт и билет во внутренний карман парки, оставив в руке только посадочный талон, и пошла искать синий зал. Чтобы добраться до него, ей пришлось пройти вниз и воспользоваться одним из этих поездов, которые вроде как из лифтовых кабинок, только ползут не сверху вниз, а вбок. Через полчаса она уже прошла проверку и недоуменно разглядывала пломбы, навешанные на все застёжки ее сумки. Что-то вроде колечек из ярко-красной резиновой карамели. Кья никак этого не ожидала, она рассчитывала найти в зале отправления платный терминал, подключиться и сообщить подружкам, что пока все в порядке. Когда она летала в Ванкувер пожить у дяди, никаких там пломб не навешивали, но это же, считай, и не международный рейс, во всяком случае теперь, после соглашения.

Подъезжая на резиновой движущейся дорожке к пятьдесят второму выходу, она уже издали увидела яркую синюю мигалку. Небольшой барьерчик, солдаты. Пассажиры все подходили и подходили, а солдаты выстраивали их в очередь. Все они были в камуфляже и выглядели немногим старше, чем ребята из ее последнего класса.

– Вот же мать твою, – сказала ехавшая впереди женщина, блондинка с роскошными – и, конечно же, удлиненными за счет чужих, приживленных – волосами.

Большие красные губы, многослойный грим, подложенные плечи, микроскопическая красная юбочка, белые ковбойские сапоги. Вроде этой кантри-певицы, на которой торчит мама. Ашли Модин Картер. «Кепка», но с деньгами.

Кья сошла с резиновой дорожки и встала в очередь за женщиной, похожей на Ашли Модин Картер.

Солдаты брали у пассажиров образцы волос и совали их паспорта в прорезь вроде той, недавней. Кья сообразила, что это чтобы проверить, правда ли ты – действительно ты, ведь в паспорте записано что-то такое про твою ДНК, полосатым кодом.

Приборчик, бравший образцы, представлял собой маленькую серебряную трубочку, которая засасывала несколько прядей и обрезала их кончики. Таким манером, подумала Кья, они могут собрать крупнейшую в мире коллекцию волосных обрезков. Подошла очередь блондинки. На проверке ДНК стояли два малолетних солдата, один орудовал этой самой трубочкой, а другой тараторил каждому пассажиру, что, дойдя досюда, вы тем самым согласились на отбор образцов и предъявите, пожалуйста, паспорт.

Подавая свой паспорт, блондинка как-то мгновенно вспыхнула откровенной, вызывающей сексуальностью, ну словно лампочку в ней включили; сраженный лазерной улыбкой солдатик часто заморгал, сглотнул, чуть не выронил паспорт, но затем все-таки засунул его в маленькую, подвешенную к барьеру консоль. Второй солдатик поднял свой жезл. Блондинка небрежно подцепила одну из нарощенных прядей и протянула солдату ее кончик. Вся эта процедура, включая возвращение паспорта, заняла не больше восьми секунд, по лицу солдатика, бравшего у Кья паспорт, все еще гуляла глупая, мечтательная улыбка.

Блондинка прошла за барьер. Кья была почти уверена, что вот сейчас, на ее глазах было совершено тяжкое, проходящее по юрисдикции федеральных властей преступление. Сказать солдатам?

Ничего она им не сказала, а они уже отдавали ей паспорт, и она взяла его, миновала барьер и пошла к пятидесяти второму выходу. А блондинка куда-то вдруг пропала.

Потом Кья стояла и смотрела на бегающие по стенам рекламы, а потом из динамика сказали проходить на посадку, первым проходит первый ряд сидений, затем второй и так далее.

* * *

Кья ждала взлета, посасывая выданный стюардессой леденец, а место 23Е все пустовало и пустовало. Единственное вроде бы пустое место во всем самолете. Если никто не придет, можно будет опустить подлокотники и прилечь. Она пыталась выставить защитное психическое поле, вайбы, которые никому не позволят прибежать в самую последнюю секунду и плюхнуться в это кресло. Сона Роса – вот кто настоящая специалистка, ведь это же одно из боевых искусств, практикуемых ее бабской шайкой. Кья никогда не понимала, ну как можно всерьез верить, что такая штука работает.

А она и не сработала, потому что в проходе появилась та самая блондинка, и она, похоже, узнала свою соседку, а может, Кья это просто показалось.

3

Почти цивилизно

Лейни не представилось возможности полюбоваться напоследок на эту татуировку, потому что была среда. Кэти Торранс стояла посреди «Клетки», смотрела, как он подчищает свой шкафчик, и орала. На ней был серый с розовым отливом бумазейный блейзер от «Армани» и юбка в масть, скрывавшая послание из дальнего космоса. В расстегнутом вороте белой, мужского покроя рубашке скромно поблескивает ниточка жемчуга. Парадная форма. Сегодня Кэти вызывали на ковер: один из ее подчиненных оказался дезертиром, ренегатом, а может, и вероотступником.

Лейни умоzakлючал, что она орет, исходя из широко распахнутого рта, однако все звуки этой ярости бесследно тонули в громовом шипении генератора белого шума. Инструктируя Лейни перед его последним визитом в «Слитскан», адвокаты настоятельно рекомендовали ему не выключать эту штуку ни на секунду. И он не должен был делать никаких заявлений. А что уж там заявляли – или орала – другие, этого он попросту не слышал.

Потом он иногда задумывался: каким конкретно образом могла она сформулировать свое бешенство? Краткое изложение все той же теории славы и ее цены с дополнениями о роли, играемой в этих делах «Слитсканом», и о неспособности Лейни функционировать в рамках системы? Или она полностью сосредоточилась на его предательстве? Но он ничего не слышал, он попросту складывал никому не нужные вещи в мятую пластиковую коробку, все еще хранившую запах мексиканских апельсинов. Испорченный, с треснувшим экраном ноутбук, прошедший с ним через колледж. Кружка-термос с полутклеившимся лого «Ниссан Каунти». Кое-какие заметки, написанные на бумаге, в грубое нарушение правил фирмы. Залитый кофе факс от женщины, с которой Лейни спал в Икстапе; он уже не помнил, как ее звали, а инициалы на этой бумажке невозможно разобрать. Бессмысленные ошметки его личности, которым уготован вечный покой в ближайшем мусорном бачке. Но он хотел забрать оттуда все подчистую, а Кэти все орала и орала.

Теперь, в кафкианском этом клубе, он подумал, что, наверное, она сказала, что он никогда не найдет работу в этом городе, и так оно, пожалуй, и есть. Предательство интересов фирмы, на которую работаешь, это и вообще один из самых серьезных проколов в биографии, а в этом городе так и самый, пожалуй, серьезный, тем более когда причиной этого предательства стали, если выражаться языком столетней давности, «угрызения совести».

Сейчас это выражение показалось ему очень забавным.

– Вы улыбнулись, – сказал Блэкуэлл.

– Дефицит серотонина.

– Пища, – сказал Блэкуэлл.

– Да я, в общем-то, и не голодный.

– Нужно подзаправиться углеводами, – сказал Блэкуэлл и встал. Стоя, он занимал поразительно много места.

Лейни и Ямадзаки тоже встали и последовали за австралийцем. Из тараканьего света в хром и неон каньона Роппонги-дори. В ночной промозглости – вонь тухлой рыбы и лежащих фруктов, чуть смягченная приторной сладостью китайского топливного спирта, выхлопом машин, мчащихся по экспрессею. Однако ровный, привычный голос трафика успокаивал, да Лейни и просто нравилось быть в вертикальном положении, двигаться.

Если двигаться и двигаться, он, возможно, сумеет проникнуть в смысл Кита Алана Блэкуэлла и Синьи Ямадзаки.

Блэкуэлл вел их пешеходным мостиком. Рука Лейни, скользившая по металлическим перилам, споткнулась о небольшую неровность. Он повернул голову и встретился взглядом с голой, обворожительно улыбающейся девушкой. Маленький, с ладонь размером, голографический стикер, а неровность – какая-то складка, плохо наклеили. Угол зрения чуть изменился, и девушка указала на телефонный номер, горевший над ее головой. Весь, из конца в конец, парапёт заклеен подобными рекламками, а немногие аккуратные бреши – это кто-то отодрал понравившуюся голограмму для своих личных нужд.

Мостик закончился, пешеходы на тротуаре расступались перед громадой Блэкуэлла, как прогулочные лодки перед океанским лайнером.

– Углеводы, – бросил австралиец через горный кряж своего плеча и свернул в проулок.

В тесную, многоцветно освещенную утробу, мимо круглосуточной ветеринарной клиники. За витринным стеклом два человека в белых халатах, хирурги, оперируют... кошку? Наверное, кошку. У витрины собралась небольшая кучка скучающих зевак.

Блэкуэлл боком протиснулся в яркую пещеру. Массивная, из искусственного гранита стойка, пар над варочным автоматом.

Когда подошли Лейни и Ямадзаки, раздатчик уже раскладывал по мискам порции ароматной, жирно поблескивающей коричневой лапши.

Лейни смотрел на Блэкуэлла. Блэкуэлл поднес миску ко рту и разом – вдохнул, что ли? – все содержимое, перерубив приставшие ко дну лапшинки одним точным движением пластиковых зубов. Мускулы на его шее мощно заходили.

Лейни смотрел.

Блэкуэлл вытер рот тыльной стороной огромной ладони, розовым лабиринтом шрамов. Отрыгнул.

– Дай-ка нам один из этих детских рожков «сухого»...

Один глоток, и он рассеянно, словно бумажный стаканчик, раздавил пустую стальную банку. Постучал миской, привлекая внимание раздатчика:

– То же самое.

Лейни почувствовал острый голод (из-за этой малоаппетитной сцены? Несмотря на нее?) и занялся своей собственной миской, саргассовой путаницей лапши, украшенной сверху розовыми (краска?) бумажно-тонкими ломтиками мяса.

Лейни ел молча, Ямадзаки – тоже. Блэкуэлл осушил еще три банки пива, безо всякого видимого эффекта. Когда Лейни допил остатки бульона и поставил миску на стойку, его глаза зацепились за висевшую на стенке рекламу напитка, именуемого «Эппл Ширз Отентик Файн Фрут Беверидж». Но сперва он прочитал: «Элис Ширз». Так звали девушку, из-за которой в нем так не вовремя проснулась совесть.

«Эппл Ширз – теплая влага жизни» – сообщала реклама.

* * *

Элис Ширз, увиденная впервые на анимированных снимках на пятом месяце его работы в «Слитскане». Довольно привлекательная девушка, бормочущая свои данные воображаемым режиссерам, вербовочным агентам, неизвестно кому, кому угодно.

Он изучал лицо на экране, а Кэти Торранс – его собственное.

– Ну как, Лейни, не заторчал? Аллергия на смазливых? Первые симптомы: постоянная раздражительность, обида на весь свет, смутное, но неотступное ощущение, что тебе делают гадости, используют в своих целях...

– Да она ж даже не такая смазливая, как две предыдущие.

– Вот именно. Она выглядит почти нормально. Почти цивилизно. Запятнай ее.

– Зачем? – повернулся Лейни.

– Запятнай ее. Он может соскочить, притворяясь, что она официантка, или еще что в этом роде.

– Ты думаешь, это та самая?

– Можно без труда насчитать еще сотни три кандидаток. Но ты же понимаешь, Лейни, что надо с чего-то начинать.

– Наугад?

– Мы называем это «чутье». Запятнай ее.

Лейни щелкнул клавишей, бледно-голубая стрелка курсора впиалась в затемненное веко потупленного глаза, выделяя девушку для более тщательного изучения, как возможную любовницу некоего знаменитого артиста, чья безупречная семейная жизнь была предметом всеобщего восхищения. Вот *его* славу Кэти Торранс и понимала, и одобряла. Человек, не пытающийся идти против жестких законов пищевой пирамиды. Крупный, но не настолько, чтобы «Слитскан» не мог его проглотить. Правда, до настоящего времени он – и те, кто уж там им крутит, – вели себя очень осторожно. Или им просто везло.

Но хорошенького понемножку. По одному из «тайных каналов», на которые опиралась Кэти Торранс, ее ушей достиг некий слушок, так что теперь пищевая пирамида сможет заняться своим привычным делом.

– Проснитесь, – сказал Блэкуэлл. – Вы падаете лицом в миску. Расскажите лучше, как вы потеряли последнюю свою работу, иначе мы не сможем предложить вам другую.

– Кофе, – сказал Лейни.

* * *

Лейни особо подчеркнул, что он не вуайер, не любитель подглядывать в замочную скважину. Просто у него есть умение обращаться с информационными структурами плюс медицински зафиксированная неспособность подолгу концентрировать внимание на одном предмете, которую он может при определенных обстоятельствах переводить в состояние патологической гипертсосредоточенности. В результате, продолжал он над латте в одном из заведений токийского филиала «Амос + Анды», из него получился очень хороший исследователь. (Лейни не стал упоминать ни Федеральный детский приют в Гейнсвилле, ни предпринимавшиеся там попытки вылечить его от недостатка концентрации, испытания «5-SB» и все такое.)

В смысле устройства на работу существенным было только то, что он обладал интуитивной способностью подмечать информационные следы, своеобразные отпечатки пальцев, произвольно оставляемые каждым человеком в процессе рутинной, но бесконечно многогранной жизни в цифровом обществе. В большинстве случаев недостаток концентрации почти что и не был замечен, однако при работе на компьютере он заставлял Лейни все время «щелкать переключателем» – перескакивать от программы к программе, от базы данных к базе данных, от платформы к платформе, перескакивать таким... ну, скажем, *интуитивным* образом.

Ну и, конечно же, при устройстве на работу эта интуитивность неизбежно порождала трудности: Лейни был чем-то вроде шамана, кибернетического лозоходца. Он не мог объяснить, как он делает то, что делает. Он и сам этого не знал.

Он пришел в «Слитскан» из «ДейтАмерики» со скромной должности ассистента-исследователя в проекте с кодовым названием «TIDAL». К чести корпоративной культуры «ДейтАмерики», Лейни так никогда и не узнал ни что значит это слово, ни (хотя бы отдаленно) с чем связан этот проект. Он проводил все свое время, мечась по необозримым просторам недифференцированных данных в поисках «узловых точек», различать которые обучила его группа французских ученых.

Все эти французы были страстными теннисистами, и ни один из них не обеспокоился объяснить ему, что это такое – узловые точки. Мало-помалу Лейни начало казаться, что он

– нечто вроде негра-проводника, сопровождающего европейских охотников в африканских джунглях. Они там на что-то такое охотились, а он вспугивал на них дичь. Но уж всяко там было лучше, чем в Гейнсвилле, смешно и сравнивать. А затем «TIDAL», чем бы он там ни занимался, прикрыли, а другой работы ему вроде как и не нашлось. Французы уехали, а когда Лейни пробовал поговорить с другими исследователями: мол, чем вы тут, ребята, занимаетесь, они смотрели на него как на психа.

Когда он пришел устраиваться в «Слитскан», интервьюировала его Кэти Торранс. Он и знать не знал, что она начальница отдела и что скоро она будет его боссом, и без особых, в общем-то, раздумий рассказал ей о себе всю правду. Почти всю.

Лейни в жизни не видел таких бледных, представить себе не мог, что такие бывают. Такая бледная, что чуть не просвечивала. (Позднее он узнал, что это наполовину от природы, а наполовину благодаря косметике, в частности некоей британской линии кремов, в рекламах которой упоминались «уникальные светопреломляющие свойства».)

– Мистер Лейни, вы всегда носите малайзийские имитации «брукс-бразеровских» рубашек из синего оксфорда?

Лейни недоуменно скосился на свою рубашку.

– Малайзия?

– Шаг строчки тик-в-тик, но они так еще и не научились регулировать натяжение нитки.

– О...

– Ничего. Мелкое, идиотское пижонство вроде привычки одеваться в оригиналы могло бы вызвать здесь определенный *frisson*.⁷ Кстати, вы могли бы расслабить галстук. Непременно расслабьте галстук. И так и храните в нагрудном кармане эту очаровательную коллекцию флюмастеров. Непожеванных, пожалуйста. Хорошо бы дополнить ее таким, знаете, толстым, плоским хайлайтером какого-нибудь особо мерзкого флюоресцентного оттенка.

– Вы шутите?

– Не исключено, мистер Лейни. Можно, я буду называть вас Колин?

– Конечно.

Она никогда не называла его Колин – ни тогда, ни потом.

– Вы скоро увидите, мистер Лейни, что в «Слитскане» невозможно без юмора. Необходимый инструмент выживания. Параллельно вы увидите, что по большей части юмор бытует здесь в весьма неявной своей разновидности.

– Это как, мисс Торранс?

– Кэти. Это так, что цитировать его в докладной записке весьма затруднительно. Равно как и в судебных показаниях.

* * *

Ямадзаки был хорошим слушателем. Он молчал, сглатывал, теребил верхнюю пуговицу своей ковбойки, делал десятки других, столь же малозначительных жестов и как-то так все время этим показывал, что внимательно слушает Лейни, не теряет нить его рассказа.

Кит Алан Блэкуэлл, этот вел себя совершенно иначе. Он сидел чудовищной грудой мяса, совершенно неподвижно, разве что иногда начинал тискать пальцами пенок своего левого уха. Блэкуэлл делал это откровенно и беззастенчиво и, как показалось Лейни, то ли с удовольствием, то ли ради облегчения. После каждого очередного тисканья рубцовая ткань благодарно розовела.

Лейни сидел на обтянутой мягким пластиком скамейке спиной к стене. Ямадзаки и Блэкуэлл расположились по другую сторону узкого стола. За ними, над однообразно черно-

⁷ Дрожь, содрогание (*фр.*).

волосыми головами местных полуночных кофепивцев, на фоне неправдоподобно красочного заката в заснеженных Андах парила голографическая физиономия.

Губы шаржированного под мультфильм Амоса были как ярко-красные сосиски; где-нибудь в районе Лос-Анджелеса заведение, рискнувшее выставить такую расистскую карикатуру, быстро схлопотало бы десяток бутылок «молотов-коктейля». Трехпалая, обтянутая белой перчаткой лапища картинно держала белую же дымящуюся кофейную чашку.

Ямадзаки вежливо кашлянул:

– Продолжайте, пожалуйста. Вы делились с нами своими впечатлениями от «Слитскана».

* * *

Для начала Кэти Торранс предоставила Лейни возможность побаловаться нет-серфингом в «слитскановском» стиле.

Она прихватила из «Клетки» пару компьютеров, шуганула из СБМ четверых сидевших там сотрудников, пригласила Лейни и заперла дверь. Стулья, круглый стол, на стене – большая доска, чтобы развешивать иллюстративный материал. Подключив компьютеры к дейтапортам, Кэти вызвала на оба экрана одинаковые изображения. Парень лет двадцати пяти – двадцати шести, с длинными, мышиного цвета патлами. Козлиная борода, золотая серьга. Лицо, не означавшее для Лейни ровно ничего. С равной вероятностью это могло быть лицо, которое он видел час назад на улице, или лицо занюханного актеришки из низкорейтинговой мыльной оперы, или лицо маньяка, в чьем морозильнике нашли несколько пластиковых мешков, битком набитых пальцами убитых людей.

– Клинтон Хиллман, – сообщила Кэти Торранс. – Парикмахер, специалист по приготовлению суси, музыкальный журналист, статист в среднебюджетной жесткой порнухе. – Она постучала по клавиатуре, натурализуя изображение. Глаза и подбородок второго, на ее экране, Клинтона сильно поубавились в размере. – Скорее всего, он сам это и делал. С профессиональной обработкой нам попросту было бы не с чего начинать.

– Он что, правда снимался в порно?

В Лейни шевельнулась смутная жалость к Хиллману; теперь, без подбородка, он был весь какой-то жалконький, беззащитный.

– Их мало интересует размер подбородка. – Кэти машинально взглянула на экран. – Главное в порно – это действие, движения. Сверхкрупным планом. Там снимаются сплошь дублеры, одно тело, а лица приделывают потом. Но, как ни крути, кто-то все равно должен вставать из окопа и пороть уродин.

– Ну, если вы так считаете...

– Сделай его. – Она протянула Лейни профессиональные, обтянутые резиной томпсоновские очки.

– Сделай?

– Его. Поищи эти самые узловые точки, о которых ты мне тут рассказывал. Этот снимок – выход на все, что о нем имеется. На все эти гигабайты зеленой тоски. Эта информация, Лейни, подобна морю крахмального клейстера. Бескрайние просторы пошлой заурядности – или заурядной пошлости, как уж тебе больше нравится. Он скучал, Лейни, скучал непогрешимо, эталонно. Сделай его, доставь мне хоть малую радость. Сделай, и мы возьмем тебя на работу.

Лейни взглянул на свой экран, на приукрашенного Хиллмана.

– Вы не сказали мне, что я должен искать.

– Все, что может заинтересовать «Слитскан». Иначе говоря, Лейни, все, что может заинтересовать обобщенного зрителя «Слитскана». Какового можно для удобства визуализировать в виде ленивого, порочного, патологически невежественного, ненасытного существа,

вечно алчущего свеженького, с кровью, мяса избранников божьих. Лично мне он представляется как нечто размером с карликового бегемота, цвета вареной картошки, на месяц забытой в кастрюле, живущее в темноте, в полном одиночестве, в отдельном домике на задворках Топеки.⁸ Оно сплошь покрыто глазами и все время потеет. Пот попадает в эти глаза и щиплет их. У него, Лейни, нету рта, нету гениталий, а потому оно может выражать свою звериную ярость и свои инфантильные желания только одним способом: переключая каналы на пульте дистанционного управления. Ну или участвуя в президентских выборах.

* * *

– «Эс-би-эм»?

Ямадзаки раскрыл свой ноутбук и вытащил световой карандашик. Лейни не имел ничего против. С этими штуками в руках японец выглядел вроде даже как более уютно.

– Стратегический бизнес-модуль, – объяснил он. – Небольшой такой зал для совещаний. «Слитскановская» почтовая контора.

– Почтовая контора?

– Калифорнийская система. У сотрудников нет своих столов. Берешь в «Клетке» компьютер и телефон, тащишь туда. Если нужно много периферии, подключаешься к мультистолу. СБМ предназначены для деловых встреч, но модулей постоянно не хватает – потребуется, а все заняты. Там теперь в моде виртуальные встречи, секретность выше. Все твоё барахло хранится в твоём личном шкафчике. Делать распечатки не рекомендуется, а внешнюю рассылку – тем более.

– Почему?

– Ты можешь скопировать что-нибудь из внутренней сети, а потом оно может просочиться наружу. Вот этот ваш ноутбук, его бы никогда не выпустили из «Клетки». А если ничто не делается на бумаге, они регистрируют абсолютно все – каждое соединение, каждую вызванную картинку, каждый нажим на клавишу.

– Секьюрити, – кивнул Блэкуэлл; на его щетинистом черепе играли красные отблески толстых, как автомобильные камеры, губ Амоса.

– И что же, мистер Лейни, вы добились успеха? – спросил Ямадзаки. – Вам удалось найти эти... узловые точки?

⁸ Топека – умеренных размеров город, столица Канзаса.

4

Разархивированная Венеция

– А теперь заткнись, – сказала женщина с места 23Е, хотя Кья ничего и не говорила, а пробиралась себе по одиннадцатому уровню дурацкой, специально для авиапассажиров, версии «Звезданутых войн». – Сестра расскажет тебе историю.

Кья подняла голову от встроенного в спинку кресла 22Д экрана. Блондинка смотрела не на нее, а куда-то вперед. Ее экран был откинут вниз, как столик, и она успела уже прикончить последний из пяти стаканов охлажденного томатного сока, которые раз за разом приносил стюард за отдельную плату. В каждом стакане зачем-то торчал квадратный, обструганный кусок сельдерейного корня, на манер соломинки или палочки для помешивания, но блондинка их даже и в рот не брала, а просто складывала на столике квадратной рамочкой, вроде как ребенок строит стены игрушечного домика или загородку для маленьких игрушечных зверюшек.

Кья посмотрела на свои пальцы, переставшие бегать по «эр-магеллановскому» одноразовому тачпэду. Снова на блондинку. И встретила взгляд лихорадочно блестящих, щедро подведенных глаз.

– Есть такое место, где всегда свет, – сказала блондинка. – Яркий, везде. Ни одного темного уголка. Яркий, как туман, как словно что-то сыплется, всегда, каждую секунду. Всех, какие бывают, цветов. Башни, что верхушки и не увидишь даже, и падает свет. Внизу они нагромождают бары. Бары, и стрип-клубы, и дискотеки. Нагромождены, как коробки от обуви, один на другом. И там без разницы, как далеко ты залезла вглубь, сколько лестниц прошла, на скольких лифтах поднялась, забейся ты хоть в самую дальнюю, самую крошечную комнатку, свет все равно тебя отыщет. Свет, который взрывается из-под двери, как порох. Прекрасный, ты не представляешь себе, какой прекрасный. Взрывается под твоими веками, если ты вдруг сумеешь уснуть. Но разве ж ты *захочешь* спать – там. В Синдзюку. Разве захочешь?

Кья неожиданно ощутила огромный вес самолета, устрашающую невозможность его движения сквозь промерзлую ночь, над черными, невидимыми водами Тихого океана. Невозможность, ставшую будничным фактом.

– Нет.

Тем временем «Звезданутые войны» скинули ее за невнимательность уровнем ниже.

– Нет, – кивнула женщина, – ты *не захочешь*. Я знаю. И никто не захочет. Но они тебя заставляют. Заставляют. В самом центре мира.

Она откинула голову на спинку, закрыла глаза и начала похрапывать.

Кья вышла из «Звезданутых войн» и убрала тачпэд в карман сиденья. Ей хотелось вопить во весь голос. Что это такое? О чем она, эта женщина?

Подошедший стюард смел сельдерейные палочки в салфетку, взял пустой стакан, вытер и поднял столик.

– Моя сумка? – сказала Кья, указывая вверх. – В ящике?

Стюард открыл лючок, достал сумку, опустил ей на колени.

– А как открыть эти штуки? – Она тронула пальцем красные, упругие кольца, соединившие замки молний.

Стюард потянулся к поясу и достал из маленького черного футлярчика маленький черный инструмент, сильно смахивавший на приспособу, которой ветеринары стригут собакам когти. Перекусываемые кольца звонко щелкали и превращались в крошечные шарики, стюард ловко ловил эти шарики в подставленную ладонь.

– Ничего, что я это погоняю?

Она открыла сумку и показала ему «Сэндбендерс», засунутый между четырьмя парами колготок.

– Выхода в сеть отсюда нет, только в первом и в бизнес, – развел руками стюард. – А так – пожалуйста. Можете, если хотите, подключиться к дисплею в спинке кресла.

– Спасибо, – кивнула Кья. – У меня есть очки.

Стюард пошел дальше.

Блондинка мерно похрапывала.

Самолет качнуло на воздушной яме, блондинка чуть сбилась с ритма и захрапела еще громче. Очки и наперстки лежали в сумке сбоку, аккуратно упакованные в чистое белье; Кья развернула их и положила на сиденье между собой и правым подлокотником. Затем вытащила «Сэндбендерс», застегнула сумку, опустила ее на пол и затолкала ногой под переднее сиденье. Ей хотелось уйти отсюда, из этой обстановки, и чем скорее, тем лучше.

Пристроив «Сэндбендерс» себе на колени, она тронула кнопку «проверка аккумулятора». Восемь часов в самом экономном режиме, а то и меньше. Ничего, хватит. Кья размотала вывод очков, подключила его к разъему. Выводы наперстков перепутались, как это у них принято. Не спеши, сказала она себе, только не спеши. Порвешь сенсорную ленту, и сиди здесь потом всю ночь в компании Ашли сучьей Модин Картер. Маленькие серебряные колпачки, гибкие каркасики, куда засовывать пальцы, спокойно, не дергайся, вот видишь, все и получилось. Теперь повключать их. Разъем, разъем, *разъем...*

Блондинка что-то пробормотала во сне. Если это называется сном.

Кья взяла очки, надела их, даванула большую красную кнопку.

– И *на хрен* отсюда.

Так оно и было.

Она сидела на краю своей кровати и смотрела на постер «Ло Рез Скайлайн». Пока Ло не обратил на нее внимание. Он провел пальцем по своим недорослым усикам и ухмыльнулся:

– Привет, Кья.

– Привет.

Приходилось говорить почти беззвучно, чтобы вокруг не слышали, но она давно уже так умела.

– Что нового, сестричка?

– Я в самолете. Лечу в Японию.

– В Японию? Крутяк. Слышала наш Будокановый диск?⁹

– Знаешь, Ло, мне чего-то не хочется сейчас разговаривать.

А тем более – с виртуальным персонажем, пусть и самым милейшим.

– Как знаешь.

Ло сверкнул своей кошачьей ухмылочкой и застыл, снова стал фотографией. Кья окинула комнату взглядом и ощутила укол разочарования. Все было вроде и так, и как-то не так, не нужно было использовать эти фрактальные пакеты, которые все малость поганят, вот и в углах вроде как пыль, и вокруг выключателя какие-то потеки. Сона Роса, так та от этих штук вообще беленится. В нормальной обстановке Кья любила, чтобы конструктор был чистехонький, чище, чем сама комната после большой приборки, и теперь ей остро захотелось домой, к качественной картинке.

Движением пальцев она направила себя в гостиную, с лету проскочив мимо, считается, двери в материнскую спальню. Дверь была едва намечена, а за ней, внутри, не было никакого «внутри», интерьера. Гостиная тоже была так себе, приблизительная, мебель в ней Кья

⁹ Будокан («Ниппон будокан») – спортивно-концертный комплекс в Токио; по основному профилю и в буквальном переводе – «Дворец боевых искусств». Концертные альбомы «Live at Budokan» выпускали Боб Дилан, Эрик К्लэптон, Ян Гиллан, Оззи Осборн и т. д. и т. п.

прямо скинула из старой, до «Сэндбендерса», системы «Плеймобил». В стеклянном кофейном столике (это ж во сколько лет я его сделала? В девять, вот во сколько) ходили кругами хило оцифрованные золотые рыбки. Деревья за окном были еще старше: коричневые, идеально цилиндрические стволы с ядовито-зелеными ватными комьями непроработанной листвы. Если посмотреть на них подольше, там, за окном, появится Мумфалумфагус и захочет поиграть, поэтому она поспешила отвести глаза.

Кья пристроила себя на «плеймобилскую» кушетку и окинула взглядом программы, разбросанные по кофейному столику. Софтwer системы «Сэндбендерс» выглядел как брезентовый мешок для воды, из тех, какими пользовались когда-то в армии (вот где лишний раз пригодился любимый ее справочник «На что похожи вещи»). Потертый бурдюк выглядел на редкость натурально, с крошечными бисеринками воды, проступающими сквозь плотную ткань. Если приблизиться совсем вплотную, оказывалось, что в этих капельках отражаются самые разные вещи: участок микросхемы, напоминающий то ли вышивку бисером, то ли шкурку на горле ящерицы, длинный, пустынный пляж под серым, пасмурным небом, горы под дождем, вода ручья, бегущего по разноцветной гальке. Хорошая фирма «Сэндбендерс», самый топ. На запотевшем брезенте чуть проступала надпись СЭНДБЕНДЕРС, ОРЕГОН, словно выгоревшая под жарким пустынным солнцем. СИСТЕМА 5.9. (У Кья были все апгрейды, вплоть до 6.3. Народ говорил, что в 6.4 полно багов.)

Рядом с бурдюком лежало ее школьное хозяйство: канцелярская папка, сильно поеденная нарочно наведенной цифровой плесенью. Нужно переформатировать, напомнила себе Кья. Стыдно же являться с таким в новую школу, детство какое-то.

Записи «Ло/Рез», альбомы, сборники и бутлеги имели вид оригинальных дисков. Все они были навалены, вроде как небрежно, рядом с архивом. Архив этот Кья собирала с того самого времени, как ее приняли в сиэтлское отделение, и выглядел он, благодаря потрясающему обмену с одним шведским фэном, как жестяная, ярко литографированная коробка для завтрака. Сильная вещь. Кья прямо тащилась от плоской, прямоугольной крышки, с которой глупо пялились мутноглазые и какие-то ошалелые, словно пыльным мешком стукнутые Ло и Рез. Этот швед, он сканировал пять раскрашенных поверхностей с оригинала и навел их на пространственный каркас. Оригинал был вроде непальский и уж точно нелицензированный.

Сона Роса все хотела махнуть, но ничего толком не предлагала, разве что комплект не совсем приличных рекламных роликов к их пятому выступлению в Мексиканском Куполе, но ролики эти были не такие уж слишком неприличные, да и вообще скучные, так что Кья отказывалась. Другое бы дело документальный фильм, сделанный – *вроде бы сделанный* – одним из филиалов «Глобо» во время их бразильского турне. Вот это бы Кья хотела, а ведь Мехико, он в той же стороне, что и Бразилия.

Она пробежала пальцем по корешкам дисков (рука контурами, на кончике пальца – дрожащее пятнышко вроде капельки ртути) и снова задумалась о Слухе. Слухи и раньше бывали и сейчас есть, и всегда они, слухи, будут. Был, скажем, слух про Ло и эту датскую модель, что они думают пожениться, и слух этот вполне мог быть верным, хотя свадьба так и не состоялась – ну, думали, а потом передумали. И про Реза тоже всегда ходили слухи, что он то с той, то с этой. Но это ж всегда были *люди*. И датская модель, она тоже человек – засранка, конечно же, но все равно *человек*. А этот Слух – он совсем другое дело.

Какое? А для того она и летела в Токио, чтобы выяснить наконец какое.

Она выбрала «Ло Рез Скайлайн».

Виртуальная Венеция, присланная ей отцом на тринадцатилетие, выглядела как древняя, пыльная книга, коричневая кожа переплета кое-где протерлась и стала похожей на замшу – цифровой аналог обработки джинсов в стиральной машине, набитой мячиками для гольфа. Рядом с книгой лежала серая, безликая папка с копиями свидетельства о разводе и соглашением о передаче Кья под опеку матери.

Она пододвинула Венецию к себе и раскрыла. Рыбка дернулась и на мгновение вспыхнула – прошел запуск подпрограммы.

Разархивированная Венеция.

Пьяцца в зимнем монохроме, фасады текстурированы под мрамор, порфир, шлифованный гранит, яшму, алебастр (вкусные названия минералов прокручиваются при желании в периферийном, на самом краю поля зрения, меню). Город крылатых львов и золотых коней. В недвижимый час серого, нескончаемого рассвета.

Можно навестить его в одиночку, а можно с Мьюзик-мастером.

Отец – он звонил из Сингапура, поздравлял ее с днем рождения – сказал тогда, что Гитлер, при своем первом и единственном посещении города, смылся от сопровождения, чтобы побродить по этим улицам одному, в эти же самые предрассветные часы, совсем, наверное, спсихевший, и не ходил он, а трусил такой собачьей трусцой.

Кья если и знала что-то про Гитлера, то исключительно из каких-то там упоминаний в песнях, но она вполне его понимала. Подняв посеребренный палец, она пронеслась над каменными плитами пьяццы и бросила себя в головоломный лабиринт воды и мостов, арок и стен.

Она пребывала в полном неведении, что такое этот город, к чему он и зачем, но чувствовала, что он идеально подходит к месту, им занимаемому, эти камни и эта вода, они точно, без малейшего просвета складывались в единое таинственное целое.

Самый балдежный шмат софтвера, какой вообще бывает, и тут же пошли вступительные аккорды «Позитронного предчувствия».

5

Узловые точки

Клинтон Эмори Хиллман, двадцать пять лет, парикмахер, специалист по суси, музыкальный журналист, статист в порнофильмах, надежный поставщик запрещенных зародышевых тканей троим более эндоморфным¹⁰ членам группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем»,¹¹ чья песня «Дитя войны в Заливе» стояла восемнадцатой в чарте «Биллборда», поминутно крутилась на «Ай лав Америка» и успела уже вызвать ряд дипломатических протестов со стороны исламских государств.

На лице Кэти Торранс появилось нечто вроде удовлетворения.

– Так что там с этими зародышевыми тканями?

– В общем-то, – сказал Лейни, кладя очки рядом с компьютером, – мне кажется, что это может быть самым сильным моментом.

– Почему?

– Культуры непременно должны быть иракскими. Мужики особо на этом настаивают. Не хотят себе вкалывать ничего другого.

– Я беру вас на работу.

– Так сразу?

– Вам бы следовало еще сопоставить звонки в «Вентуру» со счетами за парковку и из этого гаража в «Бeverли-центр». Хотя эту расхожую шуточку насчет «Деток войны в Заливе» все равно было бы трудно просмотреть.

– Секунду, секунду, – прервал ее Лейни. – Вы что, все уже знали?

– И поставили уже в эфир, на ближайшую среду. Гвоздь программы. – Она выключила компьютер, даже не позаботившись убрать с экрана разретушированный подбородок Клинта Хиллмана. – Но сейчас, Лейни, я получила возможность посмотреть на вас в деле. Вы настоящий. Я почти уже готова поверить, что во всей этой срани насчет узловых точек что-то есть. Некоторые из ваших шагов не имели ровно никакого логического смысла, и все же я сейчас собственными глазами видела, как вы точно вышли на материал, до которого три квалифицированных исследователя докапывались месяц с лишком. У вас это заняло менее полчаса.

– Не все здесь было законно, – заметил Лейни. – Вы имеете выход на разделы «Дейта-мерики», закрытые для частных пользователей.

– А вы знаете, Лейни, что такое подписка о неразглашении?

* * *

Ямадзаки поднял голову от ноутбука.

– Прекрасно, – кивнул он, обращаясь, похоже, к Блэкуэллу. – Да, прекрасно.

Блэкуэлл чуть сдвинул свою тушу; углеродно-волоконный каркас стула жалобно скрипнул.

– Но ведь он недолго там продержался, так ведь?

– Чуть больше шести месяцев, – уточнил Лейни.

¹⁰ *Эндоморфный* – пикнический, «тяжелый» тип телосложения; характеризуется относительным преобладанием структур, развившихся из зародышевой энтодермы.

¹¹ *Dukes (англ.)* – герцоги, *Nuke'em = Nuke Them (англ.)* – раздолбите их атомными бомбами, но при этом все название в целом произносится как «Герцоги Ньюкемские» – титул не существующий, но звучащий вполне натурально. Источником названия группы является, по-видимому, компьютерная «стрелялка» «Duke Nukem».

* * *

Шесть месяцев могут быть и очень длинным сроком, например – в «Слитскане».

Он использовал большую часть своей первой месячной зарплаты на съем микрохолостяцкой квартиры в Санта-Монике, на Бродвей-авеню. Он обзавелся рубашками более, как ему казалось, похожими на то, что носят они, в «Слитскане», а те, малайзийские, разжаловал в пижамы. Он купил дорогие противосолнечные очки и настрого запретил себе показываться на люди даже с одним-единственным фломастером, торчащим из нагрудного кармана.

В атмосфере «Слитскана» царила суховатая сдержанность. Лейни быстро обнаружил, что его коллеги ограничивают внешне выражаемые эмоции весьма узким диапазоном. В полном соответствии со словами Кэти, здесь высоко ценили некий весьма специфический тип юмора, но и он практически никогда не вызывал смеха. Реакция на шутку ограничивалась вскинутыми глазами, кивком, много – если тенью улыбки. Здесь ломались – а изредка и строились наново – жизни, рушились – либо переиначивались самым ирреальным, неожиданным образом – карьеры. Потому что деловой специализацией «Слитскана» было ритуальное кровопускание, и кровь, хлеставшая на экраны в его телепрограммах, была драгоценнейшего, сакрального свойства: кровь знаменитостей.

Способность Лейни выудить ключевые данные из бессмысленных, необозримых нагромождений случайной информации заслужила ему завистливое восхищение более опытных исследователей. Он стал любимчиком Кэти и был почти доволен, узнав, что про них уже ходят сплетни.

Реальных оснований для сплетен не было – не считая одного-единственного эпизода в Шерман-Оукс, у нее на квартире, да и тот оказался крайне неудачным. Во всяком случае, повторять не захотелось ни ему, ни ей.

Но зато Лейни день ото дня оттачивал, фокусировал свой талант, или уж как там это назвать. К вящей радости Кэти. Он почти сросся со своими очками и «слитскановским» выделенным кабелем, мгновенно переносившим его в любую точку унылых просторов «ДейтАмерики». Он шел туда, куда посылала его Кэти. Он искал – и находил – узловые точки.

А ночью, перед тем как уснуть, он начинал иногда смутно подозревать, что где-то, неизвестно где, может быть и большая система, поле с куда большими перспективами. Как знать, может быть, «ДейтАмерика» как целое тоже имеет свои узловые точки, инфопровалы, спустившись в которые можно обнаружить иную разновидность истины, иной способ знать и понимать, погребенный под серыми массами информации. Но только если кто-нибудь сумеет задать нужный вопрос. Лейни не имел ни малейшего представления, что же это должен быть за вопрос, да и существует ли он вообще, но был почти уверен, что в «слитскановском» СБМ такого вопроса не зададут никогда.

«Слитскан» был прямым потомком «Риал-шоу» и сетевых газет конца двадцатого века, однако походил на них ничуть не больше, чем некое крупное, шустрое двуногое млекопитающее на своих неуклюже ползавших по мелководью прашуров. «Слитскан» был зрелым, совершенным организмом, раскинувшим свои щупальца по всему земному шару. Доходов «Слитскана» хватало на покупку целых спутников и на строительство здания в Бербанке, где и работал Лейни.

«Слитскан» пользовался такой популярностью, что превратился в нечто похожее на древние телевизионные сети. Он поддерживался массой дополнительных и побочных программ, созданных с единственной целью – вернуть загулявшего зрителя к святой святых, к знакомому

и непременно окропленному свеженькой кровью алтарю, к «Дымящемуся зеркалу»,¹² как выражался один из коллег Лейни, мексиканец по происхождению.

Работая в «Слитскане», нельзя было не проникнуться чувством своей сопричастности истории, или, по едкому замечанию Кэти Торранс, тому, что *заменило* историю. Лейни подозревал, что сам «Слитскан» может быть одной из этих больших узловых точек, которые он пытался себе представить, некоей информационной сингулярностью, открывающей путь к глубинным, немислимым структурам.

Что же касается узловых точек поменьше, за которыми, собственно, и посылала его Кэти в дебри «ДейтАмерики», Лейни отлавливал их и успел уже тем повлиять на результаты муниципальных выборов, на рынок фьючерсных контрактов на генные патенты, на закон об абортах в Нью-Джерси и на суматоху вокруг «Угасни в полночь» (движение, боровшееся за свободу эвтаназии, – или изуверская секта самоубийц, это уж как хотите), не говоря уж о жизнях и карьерах нескольких десятков знаменитостей самого разнообразного толка.

И не все изменения были к худшему, даже если смотреть с точки зрения невольных героев шоу. Материал Кэти Торранс, избличавший пагубное пристрастие членов группы «Дьюкс оф Ньюк’Ем» к иракским зародышевым тканям, мгновенно сделал их следующий альбом платиновым, а заодно привел к целой серии показательных судебных процессов и публичных казней в Багдаде (ну и что такого, думал Лейни, там и так и так жизнь хреновая).

Сам-то Лейни никогда не был любителем «Слитскана», что, как он подозревал, сыграло в его пользу при устройстве на работу. И не то чтобы он был *противником* этой программы, он просто никогда о ней особенно не задумывался: ну есть такая и есть. «Слитскан» был способом создания и подачи некоторых, не очень ему интересных новостей. «Слитскан» был местом, где ему платили зарплату.

«Слитскан» позволял Лейни заниматься единственным делом, к которому у него был истинный, яркий талант, а потому он инстинктивно избегал думать о своей работе в терминах причин и следствий. Даже теперь, стараясь объяснить внимательному Ямадзаки свою позицию, он не замечал за собой никакой вины, никакой ответственности. Как сказала однажды Кэти, люди богатые и знаменитые редко бывают таковыми по чистой случайности. Можно по случайности стать богатым или знаменитым, но чтобы и то и другое сразу – это уж слишком.

Отдельной строкой шли знаменитости чисто временные, случайные, не имевшие ни богатства, ни, собственно говоря, славы, – ну, скажем, убийца-маньяк или родители последней его жертвы. Их Кэти воспринимала как тяжкий крест, который она вынуждена тащить: ну что это за знаменитость, у которой нет ровно никаких качеств, делающих человека знаменитостью? Правда, к убийцам она относилась с некоторой надеждой, считая, что у них обычно имеется некоторый потенциал, пусть пока и не раскрытый.

Но все это так, между прочим, а в основном Кэти нацеливала внимание Лейни и прочих исследователей (общим числом около трех десятков) на не предаваемые огласке аспекты жизни людей не просто известных, но добившихся своей известности вполне сознательно.

Элис Ширз пользовалась известностью разве что среди нескольких десятков своих знакомых, но вот человек, с которым у нее была связь (Лейни это быстро подтвердил), был весьма известной личностью.

А затем до Лейни начало доходить нечто неожиданное.

Непонятно как, но Элис Ширз *знала*, что он здесь, рядом, что он за ней следит. Она словно чувствовала, что он всматривается в крошечный заливчик информационного океана, отражающий ее жизнь, в неизгладимый отпечаток, оставляемый всеми ее поступками на цифровой ткани мира.

¹² «Дымящееся зеркало» (Тескатлипока) – один из основных богов у большинства племен южноамериканских индейцев. Тескатлипока – судья и мститель за все злое, он всеведущий, беспощадный и крайне непредсказуемый в своих деяниях.

Лейни наблюдал за узловой точкой, формировавшейся в информационном отображении Элис Ширз.

Эта женщина решила себя убить.

6

Друг

Кья запрограммировала своего Мьюзик-мастера на сродство к мостам. Стройный молодой человек со светло-голубыми глазами и неистребимым пристрастием к длинным, развевающимся на ходу плащам, он появлялся в виртуальной Венеции на каждом мосту, которым она проходила с более или менее умеренной скоростью.

С самого начала, еще в бета-версии, он стал предметом судебного иска: юридических представителей некоего почтенного британского певца возмутило, что дизайнеры Мьюзик-мастера использовали изображения их клиента в слишком уж юном возрасте. Конфликт был разрешен во внесудебном порядке, и все последующие версии, включая и ту, которой пользовалась Кья, обладали большим сходством с теперешним оригиналом. (Келси говорила, что в основном переделали его левый глаз, но почему только левый?)¹³

Кья ввела его в программу уже при второй своей прогулке по Венеции, для компании и некоторого разнообразия, а эта фишка насчет мостов и сейчас казалась ей очень удачной. В Венеции ведь пропасть мостов, некоторые из них совсем уж крохотные, такие себе каменные ступенчатые арки, переброшенные через узенькие боковые каналчики. Там есть мост Вздохов (Кья его не любила, печальный какой-то и даже чуть жутковатый) и мост Кулаков, который она любила, в основном из-за такого названия, и много, много других. И еще есть мост Риаљто, большой, горбатый и фантастически старый; по словам отца, именно там, на этом мосту, придумали банковское дело, а может, какую-то его разновидность. (Ее отец работал в банке, потому-то ему и приходилось жить в этом Сингапуре.)

Как только Кья замедлила свой бег по городу до нормальной скорости пешехода и начала подниматься по ступенькам Риаљто, рядом с ней появился Мьюзик-мастер, неотразимо элегантный в своем светло-коричневом, развевающемся на ветру тренче.

– ДРУГ, – сказал он, активированный ее молчанием. – Диатоническое развертывание устойчивой гармонии. Известное также как мажорный аккорд с нисходящим басовым тоном. Бах, ария из Сюиты номер три ре мажор, тысяча семьсот тридцатый год. «Прокол харум», «Белее бледного»,¹⁴ тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

Если взглянуть ему в глаза, она услышит музыкальные иллюстрации, звучащие словно ниоткуда и с как раз правильной громкостью. Затем еще про ДРУГ и снова иллюстрации. Но она ввела его сюда ради компании, а не для того, чтобы слушать лекции. К сожалению, в нем не было ничего, кроме этих лекций да классной иконки (голубоглазый, узкокостный блондин, умеющий носить одежду с изяществом, недоступным никому из живых людей). Он знал о музыке все, что только можно знать, – и больше ничего ни о чем.

Кья не знала, сколько продолжалась ее сегодняшняя прогулка по Венеции, здесь всегда было ее любимое время – одна минута до начала восхода.

– А про японскую музыку ты что-нибудь знаешь? – спросила она.

– Про какую именно?

– Ну, про ту, что народ слушает.

– Популярная музыка?

– Ну да, наверное.

Прежде чем продолжить, Мьюзик-мастер повернулся к Кья и сунул руки в карманы брюк, мелькнула подкладка распахнутого тренча.

¹³ Визуальная подсказка: речь явно о Дэвиде Боуи.

¹⁴ *Procol Harum*, «A Whiter Shade of Pale».

– Можно начать, – сказал он, – с музыки, называемой «энка», только вряд ли она тебе понравится. – (Ну да, торговцы софтвером всегда выясняют, что тебе нравится, а что нет.) – Современная японская поп-музыка оформилась позднее, после появления так называемого группового звука. Это было чистейшее подражание, даже не скрывавшее своей коммерческой направленности. Жиденькая смесь различных западных влияний, очень слащавая и однообразная.

– А у них правда есть исполнители, которые не существуют?

– Певцы-идолы. – Он скользнул взглядом по крутому горбу моста. – «Идору». Некоторые из них пользуются бешеной популярностью.

– А бывает, чтобы кто-нибудь из-за них убил себя?

– Я не знаю. Но думаю, что такое вполне возможно.

– А чтобы кто-нибудь на них женился?

– Насколько я знаю – нет.

– А как насчет Рэй Тозэй? – (А вдруг это имя произносится как-нибудь по-другому?)

– К сожалению, это имя мне не знакомо.

Мьюзик-мастер страдальчески поморщился – как и всегда, когда его спрашиваешь про музыку, появившуюся после его релиза. Ну а Кья всегда в этих случаях его жалела, хоть и понимала, что это смешно.

– Да ладно, – сказала она, закрывая глаза. – Ерунда.

И сняла очки.

После Венеции салон самолета стал еще уже, теснее, клаустрофобная труба, забитая креслами и людьми.

Блондинка успела уже проспать и смотрела прямо на нее с расстояния в несколько дюймов. Удалив со своего лица большую часть косметики, она почти утратила сходство с Ашли Модин Картер.

А потом она улыбнулась. Это была странная улыбка – медленная и как будто многоступенчатая, ну, словно состоящая из отдельных стадий, каждая из которых проявлялась своей отдельной застенчивостью или нерешительностью.

– Мне нравится твой компьютер, – сказала блондинка. – Он выглядит, будто его смастерили индейцы, ну вроде.

Кья взглянула на «Сэндбендерса».

– Коралл, – сказала она, нажимая красную кнопку. – А тут бирюза. Вот эти, ну, вроде слоновой кости, они из ядра какого-то там ореха. Никакого вреда природе.

– А все остальное – серебро?

– Алюминий. Они раскапывают на пляже старые пивные банки, плавят и отливают по-старому, в формовочный песок. А эти панели из микарты. Ткань, пропитанная какой-то смолой.

– Вот уж не знала, что индейцы делают компьютеры, – сказала женщина, трогая изогнутый бок «Сэндбендерса»; ее голос звучал нерешительно, как-то по-детски.

Ноготь указательного пальца, лежавшего на компьютере, был покрыт ярко-красным лаком, ободраным и начавшим уже облезать. Рука чуть вздрогнула и вернулась к ней на колени.

– Я слишком много выпила, – сказала блондинка. – Да к тому же все с текилой. «Витамин Т», это Эдди ее так называет. Я тут ничего *такого* не делала?

Кья мотнула головой.

– Я когда переберу, потом, бывает, и не помню, чего я делала.

– А ты не знаешь, сколько нам еще до Токио? – спросила Кья. Надо было вроде бы что-то говорить, а ничего другого ей в голову не приходило.

– Часов десять, если не больше. – Блондинка широко зевнула. – Мутотень с этими дозвукowymi, верно? Эдди заказал мне на супер, бизнес-классом, но потом там с билетами что-то такое вышло. Эдди заказывает все билеты в Осаке, в этой такой конторе. Один раз мы летели на «Эр Франс», первым классом, так там сиденье совсем откидывается и получается кровать, и они укрывают тебя таким маленьким пледом. А еще у них там, прямо в салоне, бесплатный бар, и там бутылки стоят просто так, бери – не хочу, и шампанское, и что угодно, и самая лучшая еда. – Воспоминания об «эр-франсовской» роскоши заметно ее приободрили. – И еще они дают тебе духи и косметику, положенные в красивый футляр от «Гермеса». Настоящая кожа. А зачем ты собралась в Токио?

– О... – Кья чуть замялась. – Ну, в общем... У меня там подруга. Повидать подругу.

– Там все так странно. Знаешь, да? После землетрясения.

– Но они же там все наново отстроили. Ведь правда отстроили?

– Конечно, только все это делалось как-то чересчур быстро, в основном этой самой нанотехникой, которая сама растет. Эдди, он примчался туда, когда пыль еще не осела. Рассказывал, что можно было прямо *видеть*, как растут все эти дома, ночью. На верхушке комнаты, вроде пчелиных сот, а стенки растут и смыкаются под ними, и дальше вверх, и дальше. Он сказал, это было вроде как смотреть, как плавится и сгорает свечка, но только наоборот. Страшно все это как-то. И без единого звука. И машины такие маленькие, что и глазом не увидишь. Они же, которые эти, они могут прямо тебе в тело забраться, ты это знаешь?

Кья чувствовала, что еще немного, и эта красавица сама себя запугает до полной истерики.

– Эдди? – переспросила она, надеясь сменить предмет разговора.

– Эдди, он вроде как бизнесмен. Он приехал в Японию, чтобы делать деньги после землетрясения. Он говорил, что там тогда вся инфра... инфра... вся *структура* распалась. Он говорил, что из нее, ну, будто вынули позвоночник, так что можно было прийти и укорениться в ней, только быстро, пока она не выздоровела и снова не затвердела. Ну и она потом выздоровела и затвердела *вокруг* Эдди, словно он какой пересаженный орган, или что еще, и теперь он стал частью инфра... инфра...

– Инфраструктура.

– Структура. Да, точно. И теперь он намертво подключился ко всем этим деньжищам. У него и просто недвижимость, и всякие там клубы, и у него дела и в музыке, и в видео, и не знаю в чем.

Кья наклонилась, вытащила из-под переднего сиденья свою сумку и спрятала туда «Сэнд-бендерса».

– А ты что, там и живешь, в Токио?

– И там, и не только там.

– Тебе там нравится?

– Там все... я... ну... перекошено как-то, понимаешь? Не как в других местах. На них обрушилось такое, ну, огромное, а потом они все починили, и это было, пожалуй, еще огромное, еще бо́льшая перемена, а теперь все они ходят там и делают вид, что ничего у них там и не случилось, *ничего* не случилось. Но ты знаешь что?

– Что?

– Посмотри на карту. И на старую карту. Так вот, там же многое, очень многое, *даже не там, где оно было раньше*. И даже не рядом. Ну, конечно, кое-что осталось на месте – императорский дворец, экспрессвей, ратуша эта здоровая в Синдзюку, но все остальное они ну просто сделали наново. Они сгребли все, что осталось после землетрясения, в воду, как мусор, а теперь еще ведут на этом мусоре строительство. Новые острова.

– Прости, пожалуйста, – сказала Кья, – но вчера я поздно легла, а сегодня рано встала, совсем глаза слипаются. Посплю я немного, а то ведь так и сломаться можно.

– Меня звать Мэриэлис. В одно слово.

– А меня – Кья.

Кья закрыла глаза и попробовала откинуть спинку сиденья чуть подальше, однако оказалось, что та и так на пределе.

– Красивое имя, – сказала Мэриэлис.

Кья вздохнула и устроилась поудобнее. Сквозь рев двигателей ей будто слышался мюзик-мастерский ДРУГ – уже и не звуки, а вроде часть ее самое. Белее, что ли, бледного или как-то так, но разобрать было почти невозможно.

7

Теплая влага жизни Элис Ширз

– Она думает покончить жизнь самоубийством, – сказал Лейни.

– Почему?

Кэти Торранс неспешно пила кофе. Понедельничный вечер в «Клетке».

– Потому, что она знает. Она чувствует, как я за ней слежу.

– Уймись, Лейни. Это невозможно.

– Она знает.

– Ты не «средишь» за ней. Она ежесекундно порождает информацию – так же, как и все мы, а ты исследуешь эту информацию. Она не может об этом знать.

– Не может, но знает.

Белая чашка негромко клацнула о блюдце.

– Хорошо, но ты-то сам, ты-то откуда знаешь, что она знает? Ты просматриваешь список ее телефонных разговоров, узнаешь, какие программы она смотрит и когда, какую слушает музыку. Ну как ты можешь знать, что она ощущает твоё внимание?

По узловой точке, хотел сказать Лейни. Но не сказал.

– Мне кажется, ты просто переработал. Пять дней отпуска.

– Да нет, я уж лучше...

– Я не могу позволить, чтобы ты сжег себя, убыток для фирмы. Я знаю эти симптомы. Отпуск для отдыха, со стопроцентной оплатой, пять суток.

И бонус на оплату поездки. Кэти не поскупилась. Через посредство «слитскановского» транспортного агентства Лейни получил номер в выдолбленной изнутри вершине горы. Какой-то шибко продвинутый дизайнер расставил по зеркально-гладкому бетонному полу гостиничного фойе огромные каменные шары. Стены фойе были сплошь из стекла: древние как мир игуаны философически взирали на портье и его подручных, яркая зелень чешуи на пыльно-коричневом фоне каких-то местных растений.

Женщина, с которой познакомился Лейни, сказала, что редактирует торшеры для некоего сан-францисского дизайнерского бюро. Вторник, вечер. Он прилетел в Мексику три часа назад. Коктейли в гостиничном баре.

– Редактируешь торшеры? – удивился он. – А это как?

Последнее время Лейни стал подмечать, что лично его не заинтересовала бы ни одна из тех работ, смысл которых понятен с первого слова, из одного уже названия. Сам он отвечал любопытствующим, что занимается количественным анализом, даже не пытаясь что-то такое рассказывать про узловые точки и Кэти Торранс с ее теорией славы и известности.

Женщина сказала, что ее компания выпускает малотиражную мебель и аксессуары, в частности – торшеры. Делают все это не в одном цехе, а что где, по преимуществу – в Северной Калифорнии. Надомное производство. Один человек может подрядиться изготовить двести гранитных подставок, другой – согнуть двести стальных трубок и покрасить их в синий цвет некоего весьма специфического оттенка. Она достала свой ноутбук и показала ему анимированные эскизы. Болезненно тощие, сплошь из каких-то палочек торшеры живо напомнили Лейни недавнюю передачу по каналу «Природа» об африканских насекомых.

Так это что, она придумывает? Нет. Их конструируют в России, в Москве. А она – редактор. Она подбирает поставщиков комплектующих. Она осуществляет надзор за изготовлением отдельных элементов, доставкой их в Сан-Франциско и сборкой на производственных площадях бывшего консервного заводика. Если техническая документация предусматривает исполь-

зование чего-то там такого, чего никак не достать, она либо подыскивает нового поставщика, либо вырабатывает некий компромисс в смысле материала и технологии.

Лейни спросил: а кто же такое покупает? Люди, которые хотят иметь вещи, которых ни у кого больше нет, объяснила женщина. А ей нравится эта работа? Да. Потому что ей и вообще нравится этот русский дизайн, да и люди, которые делают составные элементы, они тоже очень приятные, чаще всего. А больше всего ей нравится создавать что-то такое, чего раньше в мире не было, смотреть, как присланные из Москвы чертежи превращаются в осязаемые предметы, стоящие на полу бывшего консервного завода.

Сперва их нет, говорила она, а в один прекрасный день они тут, перед тобой, ты можешь посмотреть на них, и потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

Лейни задумался над ее словами. Женщина сидела и молчала, серьезная и спокойная. Тени, исполосовавшие блестящий, словно лакированный, бетонный пол, ползли с почти ощутимой скоростью.

Он накрыл ее руки своими.

И потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

До восхода оставались какие-то минуты, торшерная редакторша мирно спала на его кровати, а он стоял на балконе и смотрел, как светлеет небо над заливом, как растворяется в начинающемся дне молочно-бледная, полупрозрачная луна.

Ночью в Федеральном округе – это где-то там, на востоке – был совершен теракт, ракетный обстрел, сопровождавшийся паническими слухами о применении химического оружия. Очередной эпизод одной из малопонятных, ни на секунду не стихающих войн, которые стали уже настолько привычными, что трудно даже представить себе мир, где их нет.

Внизу, на деревьях, просыпались птицы, звуки, знакомые ему еще по Гейнсвиллскому приюту, по другим, давним рассветам.

Кэти Торранс изъявила свое удовлетворение видом Лейни. Она сказала, что он заметно посвежел.

Лейни сильно подозревал, что следующий отпуск может оказаться бессрочным, а потому тут же и без дальнейших комментариев отправился бороздить мир «ДейтАмерики». Кэти поглядывала на него, как искушенный ремесленник на ценный инструмент, на котором появились первые микроскопические трещинки.

За прошедшую неделю узловая точка несколько изменилась, хотя описать это изменение словами было бы крайне затруднительно. Лейни скрупулезно изучил бесчисленные обрывки информации, нагромоздившиеся вокруг Элис Ширз в его отсутствие, пытаясь нащупать причину своих недавних предчувствий. Он прослушал музыку, которую вызывала Элис за последние дни в том же, что и она, порядке, песню за песней. Выбор оказался более жизнеутверждающим, чем прежде; она перешла на нового провайдера, «Апфул группайн», чей неустанно-позитивный продукт был музыкальным эквивалентом «Канала добрых новостей».

Сопоставив расходы Элис с документацией оптовика, предоставлявшего ей кредит, и его розничной сети, Лейни составил список всех ее покупок за неделю. Шестибаночная упаковка пива, пачка лезвий для канцелярского ножа «токкай». Ну да, у нее же вроде был такой. Но тут ему вспомнилось предостережение Кэти, что именно в этой части исследования возможны подсознательные искажения, подробное знакомство исследователя с делами объекта исследований ведет к утрате перспективы. «Не забывайте, Лейни, что все мы очень легко идентифицируем себя с другими людьми на покупательском уровне. В наше время человек – существо покупающее. Если вы однажды заметите, что сменили бренд замороженной фасоли сразу после того, как это сделал объект, – берегитесь».

В многоэтажных гаражах парковочные площадки наклонные, из-за этого пол его квартиры, располагавшейся в бывшем гараже, был устроен ступеньками. Спал он в глубоком конце комнаты на надувной гостевой кровати, заказанной по «Шопинг-каналу». Окон в квартире не

было. Санитарные правила предусматривали освещение безоконных жилых помещений при помощи светового насоса, поэтому потолочная панель иногда сочилась воссозданным солнечным светом, но Лейни этого почти и не видел, он редко возвращался с работы засветло.

Он сидел на податливом, скользком крае пластиковой надувашки и пытался представить себе Элис Ширз в ее квартире на Фонтанной авеню. Он знал, что у нее там просторнее, чем у него, но не слишком. Окна. Платит за квартиру, как установил в конце концов «Слитскан», этот самый женатый артист. Платит по хитрой цепочке подставных счетов, но это и не важно, главное, что платит. Из своей заначки, как выражалась Кэти Торранс.

Лейни мог охватить умом всю жизненную историю Элис Ширз сразу, как единый объект, как идеально детализированную модель чего-то вполне заурядного, но при этом чудесного, ярко освещенную его же собственным пристальным взглядом. Он не был с ней знаком, в жизни не перебросился ни единым словом, но все равно знал ее так, как никогда не узнает никто другой. Никакие супруги не знают друг друга с такой подробностью. Психи, по пятам преследующие предмет своей одержимости, очень хотели бы знать его подобным образом, но это всегда остается для них недостижимой мечтой.

Так оно продолжалось до той ночи, когда он проснулся с тупой, пульсирующей болью в голове. Жара и духота, что в твоей Флориде, опять у них там что-то с кондиционером. Синяя рубашка противно липнет к рукам и спине. Интересно, что она сейчас делает?

Не спит, смотрит на освещенный уличными фонарями потолок и слушает «Апфул групп-вайн»?

Кэти опасалась, не едет ли у него крыша. Лейни посмотрел на свои руки как на что-то постороннее. Он смотрел на них, словно видел впервые в жизни.

Он вспомнил «5-SB» в приюте. Вкус, появляющийся уже после укола, сразу. Ржавый металл. Плацебо не давало никакого вкуса.

Лейни встал с кровати. Кухонный Уголок тут же проснулся. Откатилась дверца холодильника. На белых пластиковых прутиках одной из полок уныло обвис почерневший листик салата. На другой полке – недопитая бутылка воды «Эвиан». Он накрыл салатный листик куполом из сложенных ладоней, стараясь ощутить радиацию его гниения, какую-нибудь там тонкую жизненную силу, или оргоны, кванты энергии, не воспринимаемой физическими приборами.¹⁵

Элис Ширз решила покончить с собой. Он знал это, знал абсолютно точно. Непонятно как, но он различил это в ворохе случайной информации, порожденной этой женщиной при ее соприкосновениях с миром вещей.

– Эй, там, – сказал холодильник. – Нельзя же так долго держать меня открытым.

Лейни молчал.

– Так что, приятель, так и будешь держать дверцу открытой? Ты же знаешь, что это мешает автоматическому размо...

– Стихи.

Ладоням стало лучше. Попрохладнее.

Лейни держал руки в холодильнике, пока совсем не застыли, а затем вынул их и прижал пальцы к вискам; холодильник не упустил такой возможности и торопливо закрылся, воздержавшись, однако, от комментариев.

Лейни даже не стал снимать мятую, пропотевшую малайзийскую рубашку. Двадцать минут спустя он уже ехал в Голливуд. Одинокие фигуры на платформе метро, мелькающие за окнами отходящего поезда.

¹⁵ «Органную энергию», пронизывающую все мироздание, придумал австрийский, позднее американский психоаналитик Вильгельм Райх (1897–1957).

* * *

– Насколько я понимаю, вы не считаете это сознательным решением, верно? – Блэкуэлл снова помял обрубок своего левого уха.

– Нет, – качнул головой Лейни. – Я и сейчас не очень понимаю, что я собирался сделать.

– Вы пытались ее спасти. Эту девушку.

– У меня было ощущение, словно что-то лопнуло. Резинка какая-то. Я чувствовал, что меня туда тянет.

* * *

Лейни вышел из метро на станции «Сансет» и торопливо зашагал по уходившей вниз улице. Где-то на полпути он увидел человека, поливавшего свой газон, прямоугольник размером с два бильярдных стола, освещенный медицинским сиянием соседнего уличного фонаря. На ярко-зеленых, идеально гладких пластиковых травинках блестели крупные капли воды. Пластиковый газон был отгорожен от улицы стальным забором. Массивные, как в тюрьме, вертикальные брусья, увенчанные блестящей, без единого пятнышка ржавчины спиралью бритвенно-острой колючей проволоки. Домик полуночного поливальщика был немногим больше его газона, пережиток полузабытых дней, когда по всему этому склону стояли одноэтажные дачки. Некоторые из них все еще сохранились – крошечные строеньица, заткнутые между однообразно разнообразными, сплошь в балконах, фасадами кондоминиумов и жилых комплексов, последние напоминания о том времени, когда этот район еще не входил в состав города. Лейни чувствовал запах апельсинов, а может, это ему просто казалось, во всяком случае, апельсиновых деревьев не было видно.

Человек со шлангом поднял голову, его глаза прятались за черными нащепками видеокамер, напрямую связанных с оптическими нервами. Слепой. Неприятное ощущение, никогда не понимаешь, смотрит такой на тебя или нет.

Лейни пошел дальше, сквозь путаницу сонных улиц и мимолетный запах цветущих деревьев, доверив выбор пути тому непонятному чувству, которое вынудило его сорваться из дома и приехать сюда. Где-то на Санта-Монике взвизгнули тормоза.

Через пятнадцать минут он был уже на Фонтанной авеню, перед ее домом. Остановился. Взглянул вверх. Пятый этаж. Квартира пятьсот два.

Узловая точка.

* * *

– Вам не хочется об этом говорить.

Лейни поднял глаза от пустой чашки и встретил внимательный взгляд Блэкуэлла.

– Я никогда еще этого никому не рассказывал, – сказал он, ничуть не погрешив против истины.

– Погуляем немного.

Огромная туша Блэкуэлла поднялась безо всяких видимых усилий, всплыла, как гротескный воздушный шарик. «Это сколько ж сейчас времени? – подумал Лейни. – Здесь, в Токио. А, какая разница. Главное – сколько сейчас времени в Лос-Анджелесе?» О счете позаботился Ямадзаки.

Лейни вышел вместе с ними под сыплющуюся с неба морось, которая превратила мостовую в сплошной потоп черных, ритмично подпрыгивающих зонтиков. Ямадзаки извлек из

кармана черный предмет размером с визитную карточку, но чуть потолще. Резко его согнул. Предмет расцвел черным зонтиком. Ямадзаки отдал зонтик Лейни. Сухая, чуть тепловатая, бесплотно-невесомая ручка.

– А как его потом складывают?

– Их не складывают, – сказал Ямадзаки, раскрывая второй зонтик для себя. – Их просто выкидывают.

Бритоголовый, одетый в нанопору Блэкуэлл не обращал на дождь никакого внимания.

– Мистер Лейни, – сказал Ямадзаки, – вы не могли бы, пожалуйста, продолжить ваш рассказ.

В просвете между двумя высотными зданиями маячило третье, еще выше. Лейни увидел на его фасаде огромные, смутно знакомые лица, искаженные непонятной мукой.

* * *

«Слитскан» брал со всех сотрудников подписку о неразглашении, чтобы по возможности скрыть те случаи, когда он использовал свои связи с «ДейтАмерикой» для незаконного проникновения в частную информацию. По опыту Лейни такое происходило сплошь и рядом, особенно на глубинных, продвинутых уровнях исследования. Так как Лейни успел уже близко познакомиться с «ДейтАмерикой», он не находил в этом ничего особо удивительного. «ДейтАмерика» давно уже стала чем-то вроде суверенного государства; во многих отношениях она сама устанавливала для себя законы.

* * *

Длительная слежка за Элис Ширз также была связана с массой незаконных действий, одно из которых дало Лейни коды, требовавшиеся, чтобы попасть в ее дом, активировать лифт, отпереть дверь ее квартиры, а также две цифры, без которых все предыдущие коды срабатывали, однако параллельно вызывалась вооруженная охрана. (Это давало некоторую страховку против популярной в последнее время преступной техники проникновения в квартиру, при которых жильца подстерегали в парковочном гараже и заставляли выдать свои коды.) Элис выбрала для страховочного кода число двадцать три, ее возраст годом раньше, когда она въехала в этот дом и подписалась на услуги охраны.

Эти-то цифры и шептал Лейни, стоя перед восьмиэтажным зданием, фасад которого отражал чьи-то весьма смутные представления о неотюдорском стиле. Первые лучи лос-анджелесского рассвета прорисовали этот архитектурный кошмар с дотошной, всеобъемлющей подробностью.

Двадцать три.

* * *

– А потом, – подсказал Блэкуэлл, – вы попросту взяли и вошли. Понажимали эти самые коды, бах – и вы там.

Они стояли на переходе в ожидании зеленого света.

– Бах.

* * *

Стены холла сплошь в зеркалах, и – ни звука. Словно в вакууме. Он пересек просторы чистого, новехонького ковра в компании дюжины отраженных Лейни. Вошел в лифт, где пахло чем-то цветочным, и использовал следующую часть кода. Лифт поднялся на пятый этаж. Двери лифта раздвинулись. Новехонькая ковровая дорожка. Под свежим слоем нежно-бежевой краски проступают легкие неровности старомодной штукатурки.

Пятьсот два.

– Да что же это такое ты делаешь? – громко спросил Лейни. Он не знал и никогда не узнает, кого он тогда спрашивал. Себя или Элис Ширз.

На него уставился старинный, в медной оправе дверной глазок, наполовину затянутый бельмом бежевой краски.

Наборная панель заподлицо со стальной основой двери, чуть пониже глазка. Он смотрел на свой палец, нажимавший по очереди кнопки.

Двадцать три.

Но Элис Ширз, совершенно голая, открыла дверь сама, еще до того, как сработал код. За ее спиной весело гремела музыка. «Апфул группвайн». Лейни отчаянно вцепился в скользкие от крови запястья и увидел в глазах Элис даже не укор, а простое узнавание. Этот момент запомнился ему навсегда.

– Не получается, – сказала она, словно жалуясь на какую-то неполадку в домашней технике.

Лейни громко всхлипнул, чего не случалось с ним уже много лет, с раннего детства. Нужно было осмотреть эти запястья, но он не мог, потому что держал их в руках. Он повел ее спиной вперед к плетеному креслу, неизвестно когда и как им замеченному.

– Сядь, – сказал он ей, как упрямому ребенку, и она села.

Затем он отпустил ее запястья. Метнулся туда, где вроде бы должна была быть ванная. Схватил полотенца и нечто вроде пластыря.

А потом, словно безо всяких промежуточных этапов, оказалось, что он стоит рядом с ней на коленях. Ее руки лежали красными ладонями вверх, красные пальцы чуть согнуты, как в медитации. Он намотал на ее левое запястье маленькое темно-зеленое полотенце, прихватил его сверху пластырем, только это был не пластырь, а такая бежевая резинистая лента, которой прикрывают отдельные участки кожи при наложении аэрозольной косметики. Он знал это из данных о ее покупках.

А может, там, под этой липкой красной массой, ее пальцы уже синеют? Он вскинул глаза. В то же самое узнавание. Левая скула измазана кровью.

– Не надо, – сказал Лейни.

– Уже почти и не течет.

Он взял рулончик пластыря в зубы и начал наматывать полотенце на правое запястье.

– Я промахнулась мимо вены.

– Сиди спокойно.

Лейни вскочил, чтобы закончить перевязку стоя, но запутался в собственных ногах, рухнул лицом вниз и сломал себе переносицу об – как он заметил в самый последний момент – одно из творений редакторши торшеров. Впечатление было такое, словно ковер поднялся и швырнул эту штуку ему в лицо.

– Элис...

Ее щиколотка, метнувшаяся мимо него к кухне.

– Элис! Сядь на место!

– Прости, пожалуйста.

Хотя вполне возможно, что ничего она не говорила и ему это просто померещилось. А затем выстрел.

* * *

Блэкуэлл громко вздохнул, его плечи тяжело поднялись, задержались, словно в неуверенности, что им делать дальше, и упали. В очках Ямадзаки дрожали и переливались яркие разноцветные пятнышки, стены здесь были сплошь в неоне, освещение на зависть Лас-Вегасу, каждая поверхность сверкает и дергается.

Блэкуэлл смотрел на Лейни и молчал.

– Сюда, – сказал он в конце концов и свернул за угол, в относительную темноту, чуть подкрашенную запахом мочи.

Лейни, а затем и Ямадзаки последовали за ним. Узкий проулок вывел их в сказочную страну.

Ни неона, ни даже обычных уличных фонарей. Мягкий, без теней свет из окон тактично отступивших небоскребов. Крошечные, вроде древних купальных кабинок на каком-нибудь заброшенном пляже, строения помечены черными иероглифами, аккуратно выведенными на аскетичных, размером с большую поздравительную открытку прямоугольниках белого матового стекла. Тесно поставленные вдоль одной стороны мощного булыжником переулка, они были похожи на закрытые, лишь для избранных зрителей, аттракционы некоего тайного городского цирка. Бруски поседевшего от старости кедра, промасленная бумага, соломенные циновки, никаких признаков времени, века, кроме разве что электрической подсветки стеклянных табличек.

Лейни даже не пытался скрыть свое удивление. Такое могли построить гномы. Или эльфы. Но уж никак не люди.

– Золотая улица, – сказал Кит Алан Блэкуэлл.

8

Нарита

Кья шла к выходу, дыша в затылок Мэриэлис, которая приняла на грудь еще пару витаминизированных коктейлей, а потом засела в туалетной кабинке на добрых двадцать минут, расчесывая свои лиловые лохмы и накладывая грим. Результат этого трудоемкого процесса напоминал не столько Ашли Модин Картер, сколько что-то такое, на чем Ашли Модин Картер спала.

Когда Кья встала, ей пришлось вроде как отдавать своему телу отдельные приказы на каждое требуемое действие. Ноги: шагайте.

Нужно будет пару часов поспать, обязательно, а то ведь куда так. Она уложила «Сэндбендерса» назад в сумку и теперь брела ного за ногу следом за Мэриэлис, шаркавшей белыми ковбойскими сапогами по узкому самолетному проходу.

Высадка заняла целую вечность, но в конце концов они все-таки оказались в коридоре аэропорта под огромными логотипами, знакомыми Кья чуть ли не с внутриутробного развития, все эти японские компании, и толпа народу, и все идут в одну сторону.

– Ты сдавала что-нибудь в багаж? – спросила Мэриэлис.

– Нет, – сказала Кья.

Теперь Кья шла первой, а Мэриэлис – сзади. На паспортном контроле Кья предъявила японскому полицейскому паспорт и смарткарту «Кэшфлоу»; Сона Роса, это она заставила Келси выписать эту карточку, напоирая на то, что все это ее, Келси, идея. Теоретически расходы по карточке ограничивались суммой, какая имелаась в казне Сиэтлского отделения, но Кья подозревала, что в конечном итоге Келси, глазом не моргнув, оплатит все расходы и не сильно от этого обеднеет.

Полицейский вытащил паспорт из прорези сканера и вернул ей, карточка его вообще не заинтересовала.

– Максимальное пребывание две недели, – сказал он и кивнул Кья, чтобы проходила дальше.

Матовое стекло отъехало и впустило ее в зал. Толкучка в зале – куда там «Си-Таку», это ж сколько самолетов должно прилететь сразу, чтобы выгрузить всех этих людей, ждущих своего багажа. Кья посторонилась, пропуская маленького робота с горой чемоданов. У робота были розовые резиновые колеса, он пробирался сквозь толпу, дебильно крутя большими мультяшковыми глазами.

– И все совсем просто.

Кья оглянулась и увидела, как Мэриэлис глубоко вздохнула, задержала дыхание и медленно выдохнула. Глаза у нее были совсем измученные, как от дикой головной боли.

– А куда тут, чтобы сесть на поезд? – спросила Кья. В «Сэндбендерсе» были любые карты, но не хотелось его доставать.

– Вон туда, – сказала Мэриэлис.

Следуя за Мэриэлис, Кья пробиралась сквозь толпу, придерживая рукой сумку, чтобы не цепляться за людей. В конечном итоге они оказались перед «каруселью», на которую выползали с наклонного лотка сумки и чемоданы.

– Один, – сказала Мэриэлис, выхватывая черный чемодан, сказала с такой натужной радостью, что Кья даже обернулась. – И... два.

Второй точно такой же, только с ярким стикером «Ниссан Каунти», третьего по размеру калифорнийского парка аттракционов.

– Лапочка, ты не против понести его немного? У меня после этих самолетов всегда спина отказывает.

И, не дожидаясь ответа, нагрузила Кья вторым, со стикером, чемоданом. Чемодан был, в общем-то, не слишком тяжелый, словно полупустой, но зато очень большой, Кья приходилось сильно наклоняться в другую сторону, чтобы он не волочился по земле.

– Спасибоочки, – сказала Мэриэлис. – Вот, держи. – Она сунула ей мятый бумажный квадратик с полосатым кодом. – Это квитанция. А теперь... нам сюда...

Теперь, с чемоданом, проталкиваться сквозь толпу стало куда труднее. Кья напрягла все свое внимание, чтобы не наступать людям на ноги и не слишком толкать их чемоданом, а потом и сама не заметила, как отстала от Мэриэлис. Она осмотрелась по сторонам в надежде, что где-нибудь из толпы торчит знакомая, с нарощенными волосами, голова этой жердины, но Мэриэлис как сквозь землю провалилась.

ВСЕ ПРИБЫВШИЕ ПАССАЖИРЫ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

Буквы задрожали и изогнулись, стали японскими, а потом снова английскими.

Таможня так таможня. Она встала в очередь за мужчиной в красной кожаной куртке с надписью «Столкновение концепций» во всю спину серыми ворсистыми буквами. Кья смотрела на эту надпись, пытаясь представить себе, как концепции сталкиваются, что, надо думать, само по себе являлось отдельной, самостоятельной концепцией, а потом подумала, что, может, это просто название авторемонтной фирмы или один из этих японских слоганов, переведенных ими на английский, которые вроде как что-то и значат, а вдумаясь, так чушь. Серьезная все-таки вещь этот транстихоокеанский джет-лаг, по мозгам шибает.

– Следующий.

Они пропускали чемодан «Столкновения концепций» через машину размером с двухспальную кровать, но сильно выше. Они – это чиновник в таком вроде как видеошлеме, смотревший, надо думать, что там выдают сканеры, и просто полицейский, чтобы взять у тебя паспорт, засунуть его в щель, а затем скормить твой багаж машине. Сперва Кья дала полицейскому Мэриэлисов чемодан, и он хлопнул его на ленту транспортера.

– Здесь у меня компьютер, – сказала Кья, протягивая ему сумку. – Как там эти сканеры, ничего ему не сделают?

Полицейский словно не слышал. Сумка поползла в машину следом за чемоданом.

Чиновник в шлеме, закрывавшем ему глаза, крутил головой из стороны в сторону, переключая таким образом меню.

– Багажная квитанция, – сказал полицейский, и Кья вспомнила о бумажном квадратике, еще больше смявшемся от пребывания в ее кулаке.

Странно, подумала она, с чего это Мэриэлис мне ее дала, а теперь вот удачно вышло. Полицейский провел по квитанции сканером.

– Вы сами укладывали эти сумки? – спросил чиновник в шлеме.

Он, конечно же, не видел ее прямо, но наверняка видел все бумажки, вложенные в ее паспорт, а возможно, и ее изображение с какой-нибудь телекамеры. В аэропортах, в них полно этих камер.

– Да, – сказала Кья, решив, что так будет проще, чем пускаться в объяснения насчет Мэриэлис.

Она попыталась определить по губам, какое у этого, в шлеме, выражение лица, и решила, что нет у него никакого выражения, вообще нет.

– Так это вы укладывали?

– Да... – сказала Кья уже не так уверенно.

Шлем кивнул:

– Следующий.

Кья обошла машину, взяла сумку и чемодан.

Снова отъехало матовое стекло. Этот зал был просторнее, и потолки выше, и реклам больше, и сами они больше, а толкучка такая же. Возможно, это не потому, что самолетов прилетело много, а тут, в Токио, и во всей Японии, всегда так. Много людей, мало места, вот тебе и толкучка.

И много багажных тележек, роботов этих. Кья подумала, сколько стоит нанять такую. А потом лечь поверх своего багажа, сказать ей куда и уснуть. Только ей сейчас и не хотелось, в общем-то, спать, а просто голова какая-то мутная. Кья перехватила Мэриэлисов чемодан из левой руки в правую и снова задумалась, что же ей делать, если Мэриэлис не объявится, скажем, в ближайшие пять минут. Она уже по это место наелась аэропортов и не имела ни малейшего представления, где будет спать этой ночью. Да и вообще, ночь сейчас или что?

Кья как раз оглядывалась по верхам в надежде найти где-нибудь часы с местным временем, когда на ее правом запястье сомкнулись чьи-то пальцы. Опустив глаза, она увидела золотые кольца и золотые часы на массивном золотом браслете, все кольца соединялись с часами тоненькими золотыми цепочками.

– Это мой чемодан.

Кья скользнула глазами с раззолоченного запястья на белый манжет, затем вверх по черному рукаву к светлым глазам на длинном лице, на каждой щеке – ряд длинных, аккуратных морщин, словно нарочно процарапанных каким-нибудь резцом. На мгновение она приняла его за Мьюзик-мастера, вырвавшегося каким-то образом на свободу. Но Мьюзик-мастер в жизни не наденет такие вот часы, да и волосы у этого пусть и блондинистые, но потемнее, длинные и вроде как мокрые и зачесаны с высокого лба прямо назад. И видок какой-то не очень радостный.

– Не твой, а Мэриэлис, – сказала Кья.

– Она сама тебе его дала? В Сиэтле?

– Она попросила меня поднести.

– В Сиэтле?

– Нет, – качнула головой Кья. – Здесь, уже в зале. Мы с ней в самолете сидели рядом.

– А где она сама?

– Не знаю, – сказала Кья.

На нем был черный костюм с длинным, доверху застегнутым пиджаком, вроде как в старых фильмах, только новехонький и дорогой с виду. Все это время он вроде как и не помнил, что так и держит ее за руку, а теперь отпустил.

– Давай лучше я понесу, – сказал он. – Найдем мы ее, никуда не денется.

Кья немного смешалась, не зная, как будет правильнее.

– Мэриэлис хотела, чтобы я его несла.

– Вот ты и поносила. А теперь моя очередь, – сказал мужик, забирая у нее чемодан.

– А ты, наверно, ее бойфренд, Эдди, да?

Уголок его рта чуть дернулся, вроде как в огрызке улыбки.

– Можно и так сказать.

* * *

У Эдди был «дайхацу-грейсленд» с рулем не на той стороне. Кья сразу это поняла, потому что в одном клипе Рез ехал на заднем сиденье как раз такой машины, только в той была еще ванна из черного мрамора с золотыми краями в виде хитрых тропических рыбок. Народ говорил, что это такой вроде стеб над деньгами, над всякой жутью, которую ты можешь сделать, если у тебя их чересчур много. Кья рассказала про это матери, а та сказала, что нет смысла

слишком уж беспокоиться, что ты можешь сделать, если у тебя будет жуть как много денег, потому что у большинства людей их не бывает хотя бы достаточно, а потом еще сказала, что уж лучше попробовать разобраться толком, что оно такое, это «достаточно».

А вот у Эдди была эта штука, «грейсленд», сплошь черная эмаль и хром. Снаружи она выглядела как что-то среднее между «ар-ви»¹⁶ и этими длинными, клиновидными «хаммеровскими» лимузинами. Сомнительно, думала Кья, чтобы они так уж здорово шли на японском рынке, в Японии больше в ходу машины веселеньких расцветок, похожие на обсосанные леденцы. А «грейсленд» – это «кепка» в чистейшем, неразведенном виде, ее и сконструировали, и делают специально для американцев, бзикнутых на том, чтобы покупать только отечественное. Что, применительно к машинам, оставляет тебя, считай, и без выбора. (Эстеркина мать, мадам Чен, водит один из этих страхолюдных канадских грузовиков, которые дорогие, будто они из чистого золота, но зато имеют гарантии на восемьдесят лет – это, считается, лучше для экологии.)

Изнутри этот «грейсленд» был сплошь в лиловом бархате, простеганном ромбиками и маленькими хромированными пупочками, где ромбики соединяются – самая, пожалуй, китчуха, какую Кья в жизни видела, и Мэриэлис, похоже, тоже так думала; она, Мэриэлис, еще тогда, в самолете, рассказывала, что у Эдди есть этот крутой, с кантри-музыкой, клуб «Виски Клон» и он прикупил себе «грейсленд», чтобы этому клубу в масть, а заодно и одеваться стал, как одевались когда-то в Нэшвилле.¹⁷ Мэриэлис думала, что оно ему самое то, так она и сказала.

Кья кивнула своим мыслям. Эдди вел машину и разговаривал по громкоговорящему телефону, по-японски. Они нашли Мэриэлис в двух шагах от аэропорта, в крошечном баре, третьем из обследованных. У Кья сложилось впечатление, что Эдди не так уж и обрадовался, увидев Мэриэлис, но самой Мэриэлис это было, похоже, по фонарю.

Это Мэриэлис придумала, чтобы довезти Кья до Токио. Она сказала, что в поезде все кишки выдавить могут, и билеты очень дорогие, и что она будет рада оказать Кья хоть маленькую услугу за то, что Кья носила ее чемодан. (Кья заметила, что Эдди закинул другой чемодан в багажник, а этот, со стикером «Ниссан Каунти», поставил в салоне, рядом с собой.)

В общем-то Кья не слушала, что там она, Мэриэлис, говорит, было уже сколько-то там ночи, и голова от джет-лага совсем задурела, и они ехали по этому длинному мосту, который словно весь из неона, с чертовой уймой полос движения, и маленькие ихние машины, как яркие бусинки на ниточках, все сплошь новые и блестящие. И все время мимо проплывали экраны, узкие, но высоченные, и на одних плясали японские буквы, а на других были люди, лица, с такими улыбками, словно стараются что-то тебе втюхать.

¹⁶ «Ар-ви» – RV – recreation vehicle – автомобиль со специальным кузовом для загородных поездок.

¹⁷ Город Нэшвилл, столица штата Теннесси, считается заодно и столицей кантри-музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.